

**РОБЕРТ
ШЕКЛИ**

**Лавка
старинных диковин**

АЗБУКА

Санкт-Петербург

Robert Sheckley

THE OLD CURIOSITY SHOP

Copyright © 2014 by Robert Sheckley All rights reserved Публикуется с
разрешения автора
при содействии Агентства Александра Корженевского (Россия).

Выражаем признательность Сергею Гонтареву
за деятельное участие в подготовке книги.

Составитель А. Жикаренцев

Перевод с английского

Н. Абдуллина, И. Богданова, С. Гонтарева, В. Зари, Д. Кальницкой,
Г. Корчагина, Д. Могилевцева, А. Петрушиной, С. Удалина, В.
Хобота

Иллюстрация на обложке В. Еклериса

Шекли Р.

Лавка старинных диковин : рассказы / Роберт Шекли ; пер. с англ. Н. Абдуллина, И. Богданова, С. Гонтарева и др. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. (Звезды мировой фантастики).

ISBN 978-5-389-08703-3

16+

Созвездие классиков фантастического жанра — одно из самых ярких в нашей Галактике. И невозможно не заметить в нем звезду по

имени Роберт Шекли: она лучится живым добрым светом и весело подмигивает нам.

Смелое воображение, тонкий юмор, подчас немного самоиронии и абсурда и неисчерпаемая, поистине космических масштабов любовь к людям — вот инструментарий, которым долговязый американец с задумчивым теплым взглядом проторил дорожку к нашим умам и сердцам.

Большинство рассказов, вошедших в этот сборник, на русском языке публикуются впервые.

© Н. Абдуллин, И. Богданов (наследник),
С. Гонтарев, В. Заря, Д. Кальницкая,
Г. Корчагин, Д. Могилевцев, А. Петрушина,
С. Удалин, В. Хобот, перевод, 2014
© ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2014
Издательство АЗБУКА®

КАК НА САМОМ ДЕЛЕ ПИШУТ ПРОФЕССИОНАЛЫ

Подобно большинству писателей-фантастов, сначала я был запойным читателем. Несколько позже, будучи уже не только фэном, но и начинающим амбициозным автором, я пожелал узнать: а как на самом деле работают писатели-профессионалы? Как они вынашивают идеи, рождают сюжеты, преодолевают всяческие трудности? Теперь, по прошествии двадцати пяти лет, я кое-что знаю об этом.

В том, что касается подхода к своей задаче, писатель-профи — неисправимый индивидуалист. Если вы принадлежите к мизерному числу везунчиков, для вас все относительно просто. Вы придумываете идею, она в свою очередь предлагает сюжет и героев, а после этого остается только сесть за пишущую машинку и выдать на-гора рассказ. Позволив ему отлежаться несколько часов, вы исправляете орфографические и грамматические ошибки и получаете сплошь исчерканную рукопись, которую в таком неряшливом виде отдавать в издательство нельзя — надо перепечатывать. Но наконец вы художественно свое дело сделали.

Именно так я поступал на раннем этапе моей

карьеры. Если бы меня спросили, что требуется для успешного написания рассказа, я бы ответил: создать серьезную проблему, отвести ограниченный срок на ее преодоление и пригрозить крайне тяжелыми последствиями, если герой не справится. Все легкие пути к достижению цели вы для него наглухо перекрываете. Бедняга предпринимает то и это, но любые усилия приводят лишь к тому, что он оказывается по уши в неприятностях; время на исходе, а он до сих пор не одолел злодея, не спас красавицу, не раскрыл тайну инопланетной цивилизации. И кажется, не миновать трагического конца, близится подлинная катастрофа. Но в самый последний момент вы бросаете ему спасательный круг.

Как это выглядит? А героя внезапно осеняет гениальная идея, и он справляется с проблемой тем или иным логичным способом, вполне адекватным ситуации, но почему-то ранее ускользавшим от его внимания. Если вы все проделаете на совесть, читатель воскликнет: «Ну конечно! Как же я сам не додумался?!» Останется быстренько оформить концовку, и дело в шляпе.

Таким вот прямолинейным подходом грешат многие мои ранние рассказы. Постепенно ко мне пришла утонченность, но вместе с ней пришли и сложности. Работа заметно тормозила, и надо было искать пути решения проблемы.

Я поинтересовался опытом моих коллег, их индивидуальными методиками. Например, Лестер дель Рей признался, что сначала пишет в голове — слово к

слову, предложение к предложению — и на эту умственную композицию тратит месяцы, а то и годы. Лишь когда произведение полностью созрело, он идет в свой кабинет (видели бы вы эту клетушку, оборудованную в его гостиной; чулан для швабры куда просторнее и чище), втискивается туда, с полки переносит себе на колени пишмашинку — все, он намертво прикован к рабочему месту. У него под рукой бумага, карандаши, сигареты, пепельница и вентилятор, чтобы не задохнуться. Лестер там как в поставленном на попа гробу — и от того, что он не покойник, ему нисколько не легче.

Филип Класс, более известный как Уильям Тенн, в ту пору изобрел немало способов повысить производительность труда. Делалось это в рамках борьбы с творческим кризисом, цепким и беспощадным, как боа-констриктор. Мы с Филипом часто и подолгу обсуждали наши писательские проблемы и однажды придумали метод, способный выручить двух авторов разом. Он был совсем прост и требовал лишь съемной квартиры, письменного стола, пишущей машинки и массивного дубового стула, оборудованного цепью и висячим замком. Трудиться предстояло по очереди. Скажем, пора писать рассказ Филу. Я приковываю его к стулу, конечно оставляя свободными руки, чтобы мог печатать, ухожу, не внемля мольбам и угрозам, и не возвращаюсь, пока он не сделает условленный объем добротной прозы. После этого я занимаю его место.

Нам так и не довелось поработать по этой схеме, —

наверное, не представлялось возможным найти стул, достаточно прочный, чтобы удержать манкирующего своими обязанностями литератора. Зато мы испробовали нечто другое. Договорились ежевечерне за ужином встречаться в Гринвич-Виллидже и предъявлять друг другу машинописные страницы. Кто не выполнил дневную норму, с того десять долларов!

План выглядел стопроцентно надежным, но серьезнейшие препятствия не заставили себя ждать. Стыдно же показывать незаконченную вещь, по сути — неряшливый черновик! Тогда мы додумались выкладывать рукопись на стол текстом вниз. Но при такой процедуре как узнаешь, свежак тебе показывают или нечто пролежавшее несколько лет в столе? На протяжении недели каждый из нас приходил с новеньким рассказом, но не давал коллеге его прочесть и требовал верить честному слову. А потом, как-то спонтанно, но к вящему обоюдному удовольствию, мы вернулись к изначальной практике, то бишь к пространным беседам о писательских делах.

Шли годы, и мой творческий кризис разрастался вширь, ввысь и вглубь. И однажды я понял, в чем проблема. Это все из-за жёны! Надо что-то предпринять в ее отношении, и жизнь наладится.

Через два развода я понял: жёны тут ни при чем.

«Нью-Йорк! — осенило меня затем. — Это ты виноват! Да как можно работать в столь неудобной среде! Мне подавай теплое солнышко, блистающий морской простор, оливковые рощи и одиночество».

И я перебрался на остров Ибица. Снял

трехсотлетний сельский дом на холме, с видом на Средиземное море. Там отсутствовало электричество, зато комнат было аж четыре и любая годилась на роль кабинета. Сперва я попробовал работать наверху, в красивых светлых залах. Увы, мне никак не удавалось сосредоточиться, слишком много времени я тратил на любование потрясающими видами. Тогда я перебрался вниз, где было сумрачно и сыро, а единственное крошечное оконце зарешечено на случай пиратского нападения. В этой темнице уже ничто не отвлекало меня, но и там я не смог работать — слишком уж сильно чадила керосиновая лампа.

Спустя какое-то время я нашел выход. И это был выход в буквальном смысле. Что меня заставляет вести противоестественный образ жизни, сиднем сидя в четырех стенах? И вот я на пляже... да только морока никуда не делась. Теперь мне досаждали палящее солнце и неумный ветер, забивающий песком пишмашинку. Я попытался сочинять в тени дерева — оттуда меня прогнали мухи. Перебрался в кафе — там слишком шумели официанты.

Я отказался от красот Ибицы и переселился в Лондон, будучи убежден, что проблема моя коренится в отсутствии самодисциплины. А раз так, надо искусственными способами добиваться того, чем меня обделила природа. В произвольном порядке сейчас изложу несколько методов, которые мне удалось разработать.

Пребывая в творческом ступоре, я всеми правдами и неправдами уклоняюсь от писательской работы, — это

понятно. Но чем меньше я пишу, тем меньше уверенности, что я вообще умею писать; по мере падения выработки усугубляется угнетенное состояние, и с каждым разом все страшнее приниматься за дело. Чем же разорвать этот порочный круг? Трудом, и только трудом, — такова жестокая правда. Если не хочу растерять литературные способности, я должен постоянно практиковаться в своем ремесле. Я обязан продуцировать непрерывный поток слов! Но как этого добиться в творческом кризисе?!

И вот однажды, пытаясь решить сию дилемму, я поклялся ежедневно писать пять тысяч слов. В смысле, не писать, а печатать. Объем текста — единственное ограничение, а сам текст может представлять собой все что угодно, даже откровенную чепуху. Пусть это будет нагромождение никак не связанных понятий, пусть это будет мое без конца повторяющееся имя. Хоть сдохни, Боб, но выдай эти пять тысяч слов за день!

Вам такая задача кажется простой? Уверю вас, на практике все гораздо сложнее. Сначала шло как по маслу, но уже на другой день мой запас банальностей исчерпался досуха. А на выходе получалось примерно следующее:

«Ага, ну вот мы наконец и добрались... почти добрались до конца страницы. Давай, дружок, напрягись, осталось совсем чуть-чуть... Ура, есть страница! Это была девятнадцатая, а теперь начинаем двадцатую, она на сегодня будет последняя... Какое, к

черту, на сегодня, уже наступило завтра, полчетвертого ночи, и кажется, будто я этим занимаюсь сто лет! Но двадцатая страница — последняя, самая распоследняя, вот сейчас покончу с безумной бредятиной и займусь чем-нибудь другим, чем угодно, только не этой писаниной, будь она миллион раз проклята! Надоело, надоело, надоело! О господи, еще три четверти страницы осталось. Эй, слова-словечки, куда же вы все подевались, когда до зарезу мне нужны? Живо идите к папочке и избавьте его от этой чудовищной пытки! Господи боже, я с ума схожу, с ума схожу, с ума схожу... Но постой-ка, неужели такое возможно? Да! Конец страницы близок. Здравствуй, конец страницы, спаситель ты мой драгоценный! Я закончил, закончил, закончил!»

Поработав в таком ключе, я вдруг сообразил, что вот уже несколько дней за каторжный труд не получаю ни цента. И тогда я спросил себя: «Боб, ты ежесуточно выдаешь пять тысяч слов, и ты смертельно устал наваливать горы околесицы, — так почему бы тебе не сесть и не написать нормальный рассказ?»

Так я и сделал. Сел и написал. И до чего же легко это далось!

Неужели я наконец подобрал мастер-ключ ко всем писательским препонам? Я сделал еще один рассказ — было потруднее, но вовсе не так тошно, как раньше. Надо же, у меня два готовых рассказа на бумаге, а работа заняла всего два дня! Этим успехом я

потом гордился целый год. К такому сложному алгоритму создания литературного произведения больше мне прибегать не доводилось, но я понял главное: он работает. И если когда-нибудь снова нагрянет творческий кризис, я, быть может, воспользуюсь выручившим меня однажды приемом.

А пока надо придумать что-нибудь не столь мучительное.

Набрать нужное количество слов — это не самое трудное. Куда труднее сочинить рассказ как таковой; литературное творчество — процесс загадочный до жути. Вам так хочется сделать все правильно, вы лезете вон из кожи, на каждом шагу беспощадно судите себя — и в итоге оказываетесь в глухом тупике. Тысячи и тысячи написанных слов не сложились во что-либо приемлемое; среди дикого сумбура невозможно найти правильный курс. Знакомьтесь: это моя очередная проблема. Помимо невозможности выдать нужное количество слов — страх перед тяжелой добросовестной работой, острое нежелание делать рассказ по-настоящему.

Как я из этого выкрутился? Вполне банальным способом: обошел препятствие. Не зная, как еще можно зарабатывать писательским трудом и не рисковать при этом крайним упадком душевных сил, я вместо рассказов стал делать имитации рассказов. В чем разница? Для нормального рассказа крайне важно, какие слова вы используете; в имитации же они не играют самонаименованной роли. В имитации персонажи могут быть шаблонными, диалоги — пустыми. Не

забывайте: это не рассказ, а лишь подобие рассказа. Бездумное физическое упражнение вместо напряженного вдохновенного созидания. В имитацию я никогда не пытался сознательно заложить красоту, точность, юмор и пафос — все то, что должно быть в «правильном» рассказе.

Пользуясь этим методом, я обнаружил в себе определенные способности к самообману. Надо же, мои имитации, оказывается, имеют большое сходство с написанными мною по-настоящему рассказами — если не брать во внимание отдельные грубые просчеты!

Какой же вывод можно сделать из всего этого? А простой: то, что у меня получается, и есть предел моих возможностей. Хоть из кожи вон вылезу, лучше писать не стану. Наоборот, чрезмерные усилия плохо сказываются на конечном результате. Имитация для того и нужна, чтобы ускорить работу и максимально ее облегчить, — так иной художник холсту и маслу предпочитает акварель.

Новый метод выручал меня неплохо, но то и дело возникали контрпродуктивные соображения. «Не клеится совершенно, — бывало, отмечал я. — Не начать ли сначала?» Или наоборот: «А ведь недурно получается; может, поднапрячься да и сделать как следует?»

Иногда проблема заключается не в том, как писать, а в том, о чем писать. Прежде чем садиться за пишмашинку, надо взглянуть на идею под разными углами, сформулировать наиболее важные решения,

взвесить альтернативы, а собранные материалы состыковать друг с другом, что-то изменив, что-то отсеяв. Возникающие при этом затыки очень хитры, они не любят принимать четкие контуры. На какие только ухищрения я ни шел: и записи делал, и отправлялся на долгую прогулку, и жену привлекал в консультанты, — проку было мало. Слишком уж много вещей приходилось держать в голове, и упорядочивать их я тогда не умел. Будущий рассказ представлял чем-то крайне туманным и невнятным.

В подобных ситуациях полезно строить диаграмму. Берете лист, в центре пишете ключевое слово, обводите его кружком. От кружка тянете радиальные линии и записываете, по возможности короче, различные соображения, связанные с исходной концепцией. Получившаяся в итоге диаграмма суммирует ваши знания по данному предмету, каковой будет виден не просто целиком, а заодно со смежными темами. Вы с одного взгляда поймете, что у вас есть и чего вам не хватает; последнее не менее важно. Связи внутри диаграммы возникнут сами собой, а примыкающие области можно присоединять или отделять. Для подчеркивания тех или иных нюансов годятся цветные карандаши, и чертеж позволяет без труда вводить новые сведения. Участок с наиболее важными данными всегда можно обособить, чтобы на его основе соорудить еще одну диаграмму или субдиаграмму.

Дело это само по себе увлекательное. Я вначале обходился поршневой ручкой, затем сменил ее на

пастельные мелки. О потраченном времени жалеть не пришлось. Еще я экспериментировал с разными буквенными обозначениями.

Диаграммы мои все усложнялись, требовали бумаги все больших форматов. От мелков я отказался в пользу цветных чернил. Имевшиеся в продаже меня не устраивали, я готовил смеси по своим рецептам. Но все равно чего-то системе не доставало. Работа сделалась слишком механической, до скуки. Тогда я затеял украшать свои диаграммы — сначала карандашными набросками, потом рисунками с размывкой и в конце концов дошел до акварелей. Мои иллюстрации оставляли желать лучшего, так что я даже подыскивал приличные курсы живописи. К сожалению, однажды пришлось бросить всю эту кухню, поскольку мне предложили поработать за хорошие деньги. И все же, повторяю, время не было потрачено зря. Когда на рынке появится спрос на дурацкие диаграммы, я враз разбогатею.

Все вышеперечисленные беды и мытарства привели меня к твердому заключению: страхи и тревоги неотделимы от литературного творчества. Прежде чем в авторском подсознании фрагменты замысла со щелчками встанут на свои места, там должны родиться и созреть идеи. Частенько, как в моем случае, этот инкубационный период затягивается до неприличия, что негативно отражается на следующих этапах работы. Уже давно пора вылупиться концепции, а ее все нет и нет, и вы не понимаете, в чем причина. В подсознании образуется мокрый

темный комок, и эта невразумительная пакость мешает вам двигаться дальше.

И как же быть, спрашивается?

Для таких случаев я нашел крайне прямолинейный метод. Психолог, наверное, его назовет катарсисом. В процессе применения этого метода можно заставить меня разговаривающим с самим собой, отвечающим на собственные вопросы.

— Привет, Боб. Ну что, опять не слава богу?

— Да рассказ, язви его!

— И что не так с рассказом?

— Ну, во-первых, слишком медленно пишется.

— А почему бы тебе не ускориться?

— Интересно как?

— Ты знаешь сам, Боб. Конечно знаешь. А ну-ка, пошевели мозгами и живенько выдай мне способ ускорить работу.

— Ну... к примеру, можно обойтись без описания марсианского рассвета. Все-таки две тысячи слов...

— Это решит твою проблему?

— Если бы! Персонажи тоже никуда не годятся.

— Чем же они нехороши?

— Да просто сидят сложа руки и мечтают где-нибудь побывать.

— И как ты намерен это исправить?

— Подыщу им занятие.

— Например?

— Даже не знаю... Нет-нет, постой-ка! Есть идея! Пусть ищут инопланетную цивилизацию.

Этот способ дает неплохие результаты, но у него

есть один недостаток: автору нужно сосредоточиваться. Мне подчас не то что ответ — вопрос никак не удастся сформулировать. В таких случаях мои монологические выкладки выглядят примерно так: — Здорово, Боб. Как дела, дружище?

— Да ничего себе. А твои?

— Лучше не бывает.

— Рад за тебя.

— Правда рад?

— А то!

— Ты меня для чего звал? Очередную проблему хочешь обсудить?

— Проблему? Ну да. Рассказ, язвы его!

— Какой еще рассказ?

— Который я уже три месяца пишу.

— А, ты про этот рассказ...

— Ну да.

— Это в нем описание марсианского рассвета на две тысячи слов?

— Точно.

— И как? Есть идеи?

— Насчет чего?

— Насчет рассказа, Боб. Я могу чем-нибудь помочь?

— Ты-то? Ты всегда можешь дополнить описание марсианского рассвета...

Вот так и работает наш брат профессиональный писатель — постоянно что-то теряя, что-то находя.

Я МОГУ ТЕЛЕПОРТИРОВАТЬСЯ КУДА УГОДНО

Я могу телепортироваться в любую точку Вселенной. Эта способность покажется бесценной тем, у кого ее нет, но, поверьте, она создает больше проблем, чем решает.

Об этом я узнал совсем недавно, когда решился на свою первую телепортацию. С рождения спавшая во мне способность проявилась год назад, и поначалу я пользовался ею очень осторожно, главным образом в пределах своей квартиры, внезапно исчезая из одной комнаты и тут же появляясь в другой. Это так напугало мою кошку, что она сбежала и не вернулась. Но я не расстроился. Она не позволяла гладить себя, зато не упускала случая свернуться клубком на моей голове, стоило мне уснуть.

Итак, в один прекрасный день, утомленный однообразием жизни, я счел, что готов совершить большое путешествие. Выбор пал на Виридиан-5, вполне подходивший для двухнедельного отпуска.

В процессе телепортации объект перемещается из исходной точки в точку назначения практически мгновенно, а это значительно быстрее, чем скорость света. Расстояние между точками не имеет значения — время перемещения едва ли превышает

погрешность современного измерительного оборудования. Причем у вас нет никакого выбора — вы не можете двигаться, скажем, со скоростью восемьдесят километров в час, проплывая над крышами домов, как Мэри Поппинс с ее зонтиком. Существует множество гипотез о природе среды, сквозь которую проникают телепортеры, но, само собой, никто из нас не может притормозить, чтобы изучить окружающую обстановку. Просто раз-два — и мы в пункте назначения.

Большинство людей завидуют тем, кто способен прыгать сквозь пространство. Но они не знают о сопутствующих трудностях. Они видят только внешнюю сторону процесса: чтобы попасть в Рим, не нужно суетиться с авиабилетами, торопиться в аэропорт и разыскивать свой самолет. Если вы захотели побывать на Марсе, дорога не отнимет полгода жизни. А если вас заинтересовала недавно открытая планета в созвездии Вольф-32, не обязательно подвергаться заморозке, чтобы попасть туда еще при жизни. Достаточно лишь сказать: «Я хочу быть там!» — или что-то в этом роде. Мгновение — и вы на месте.

Но это очень, повторяю, очень поверхностный взгляд на явление. Люди не задумываются о подводных камнях.

После того как я решил посетить Виридиан-5, на меня обрушилась куча мелких дел, которые всегда нужно переделать, когда покидаешь город на пару недель, — вне зависимости от того, каким образом

произойдет перемещение. Но мои приготовления не ограничивались временными рамками. Никаких крайних сроков, никаких расписаний полетов, под которые нужно подстраиваться. Я мог оказаться, где бы ни пожелал, через долю секунды после принятия решения. Поэтому я продолжал жить обычной жизнью. Недели шли одна за одной. Я неспешно готовился к путешествию.

Через два месяца этой канители я начал себя презирать. С такими темпами проще добираться до Виридиана обычным звездолетом. Теперь я уже сомневался, действительно ли хочу побывать там.

А впрочем, пожалуй, для проволочек имелись основания. Меня мучили смутные сомнения. Дело могло оказаться не таким простым и безопасным, каким оно представлялось поначалу.

Но я решил исполнить задуманное во что бы то ни стало, а потому принялся пилить себя, подтрунивать над собой, назначать себе крайний срок... который всякий раз приходилось откладывать. Промучившись две недели, я поклялся: дата отъезда — ближайшая пятница, ровно в полдень, и ни минутой позже.

Пятница наступила слишком быстро. Я приготовил себе легкий, но питательный завтрак, словно и правда собирался в долгий путь. На деле же путь для телепортера является не более чем умозрительным понятием, а само перемещение происходит в одно мгновение ока.

Тем не менее я нервничал, и чем ближе к назначенному часу, тем сильнее. В полдвенадцатого я

метался по гостиной вокруг стоявшего посреди нее чемодана (я могу телепортировать все, что держу в руках), выкуривал сигарету за сигаретой и поглядывал на цифровые часы, шустро отсчитывающие десятые доли секунды.

Без минуты двенадцать. Я до отказа наполнил грудь воздухом и задержал дыхание, словно собирался нырнуть в воду. Истекла последняя секунда. В висках стучала кровь. Я знал, что слишком близко принимаю к сердцу происходящее, но ничего не мог с этим поделать.

Пять, четыре, три, два, один, старт!

С чемоданом в руках я телепортировался на Виридиан-5, в курортный городок Луу.

Поначалу, следуя рекомендациям других телепортеров, я стоял, зажмурив глаза и прижав к ним ладони. Надо было привыкнуть к новым сильным ощущениям — тут и воздух другой, и запахи совершенно не такие, как дома. Да уж, ароматы здесь те еще — меня даже затрясло от отвращения.

Кожные рецепторы, органы обоняния и слуха доложили в центр управления, что они столкнулись с чем-то неприятным и даже жутким, к чему они вовсе не были готовы. Напрасно центр управления пытался успокоить взбудораженные чувства — меня все еще трясло, и страшно было открыть глаза. Несколько месяцев я готовился к этому прыжку, и вот сейчас забыто прошлое и нет дела до будущего; важно только происходящее в настоящем времени.

Спустя некоторое время я начал приходить в норму.

Органы чувств понемногу привыкали к стойким раздражителям, забывая, насколько враждебными те показались в первый момент. А вот слуховому центру головного мозга требовалось больше времени, чтобы разобраться в чужеродной какофонии, атакующей меня со всех сторон. Это основная функция слухового центра, и она крайне важна для моего выживания.

Но в сложившейся ситуации главный центр управления вынужден был отменить задачу по анализу шума. Меня окружала чужая цивилизация. Чуждые существа разговаривали на чуждом языке в среде, заполненной другими чуждыми звуками. Понадобились бы годы, чтобы выявить в этом хаосе некий смысл; я же рассчитывал провести здесь только две недели. Слуховой центр получил строгое указание считать все воспринимаемые звуки белым шумом, если только он не услышит речь на английском, испанском или всегалактическом языке. Он не медленно подчинился. Романтическая часть моей натуры всегда рада войти в транс, чтобы воспринимать любые звуки как музыку. Вычленение в этой «музыке» осмысленных сигналов — работа трудная, к ней романтическая часть моей натуры относится отрицательно.

Со зрительным центром дело обстоит иначе. Глаза — самые правдивые органы, я на них полагаюсь, чтобы ориентироваться в пространстве, анализировать окружающую обстановку и принимать необходимые решения. Зрение поставляет данные с пометкой «жизненно важно» — эту информацию

нельзя игнорировать.

К сожалению, главный центр управления не способен интерпретировать эти важные данные и действовать в соответствии с ними. Мои глаза оказались совершенно не готовы к картине, которая перед ними открылась. (Эти органы интересуются только тем, что находится непосредственно перед ними в настоящий момент.) Важные, но едва поддающиеся обработке визуальные сигналы потоком устремились в главный центр управления, когда я чуть разжевил веки и осторожно посмотрел сквозь пальцы.

Передо мной бушевал хаос из форм и цветов, поэтому я снова закрыл глаза. Зрением командует главный центр управления, посылая четкие указания, что именно нужно искать в окружающем мире. На этот раз он потребовал, чтобы зрение сконцентрировалось на выявлении движущихся и стационарных объектов. Более сложные задачи последуют позже.

Я медленно открыл глаза — мой непокорный зрительный центр, игнорируя не только прямые запреты, но даже инстинкт самосохранения, заставлял зачарованный, полный детского изумления взгляд беспорядочно метаться по сторонам. Я казался себе странником, бредущим в мире до того экзотическом, что к нему нельзя привыкнуть — можно лишь все глубже и глубже погружаться в его чары.

Эти ощущения не ослабевали в течение всего срока пребывания на Виридиане. Несмотря на прилагаемые усилия, я пребывал в состоянии, очень похожем на

цветной сон или наркотический бред. Полегче мне стало только к моменту возвращения.

На исходе второй недели я без малейшего сожаления, напротив, с превеликой радостью телепортировался домой.

Там меня ждали два новых шокирующих сюрприза.

Миг — и я стою посреди гостиной с чемоданом в руке, но без каких-либо свидетельств того, что вообще отлучался. С таким же успехом мог бы весь отпуск увидеть во сне, не покидая собственной кровати.

Но действительно ли я дома? Это второй сюрприз: мои чувства не готовы вынести новое надругательство над их доверчивостью. Они успели привыкнуть к Виридиану, сколь бы экзотичным он ни был. Мое тело не желает мириться с такой внезапной и необоснованной заменой окружающей среды. Даже главный центр управления (тоже часть моего тела, несмотря на его уверения в обратном) не может согласиться со столь легкомысленным перемещением. Он занимает выжидательную позицию. По его мнению, окружающее — галлюцинация, а не реальность; я обречен проваливаться сквозь бесконечные этажи-сцены, и стоит привыкнуть к очередным декорациям, как они сменяются другими. Такая перспектива невыносима для моего сознания, в подчинении у которого находится главный центр. Сознание указывает мне на недопустимость страха перед внешним окружением. Постарайся расслабиться, мягко повторяет оно главному центру управления, успевшему съезжиться в

экзистенциальном ужасе. Нужно отбросить все немыслимое и рассмотреть вопрос с практической точки зрения, если мы рассчитываем сегодня поужинать.

После непродолжительных переговоров сознание и главный центр управления приходят к соглашению. Для обоснования своей позиции сознание апеллирует к принципу неопределенности Гейзенберга. Я должен возвратиться к повседневной жизни, а опыт на Виридиане классифицировать как дезориентирующий и совершенно необъяснимый для участника данного события (или псевдособытия).

Главный центр соглашается без возражений. Он легко удовлетворяется куском интеллектуального мяса, и ему нет дела, что за животное (или псевдоживотное) было вынуждено этим мясом поделиться. Наклеив соответствующие этикетки на мои воспоминания, мы сдаем их в архив и решаем больше не возвращаться к этой теме.

В последнее время я предпочитаю оставаться дома, а если уж выбираюсь куда-то, то делаю это обычным способом, как и все люди. Кто бы что ни говорил, но так жить намного проще. Я прибегаю к телепортации очень редко: например, воскресным утром, когда лежу расслабленный в теплой уютной постели и не могу добиться от тела, чтобы оно поднялось на ноги и сходило в туалет.

ЖЕЛАНИЕ

Таких людей, как Фрэнк Моррис, мы называем одержимыми. Некоторые из них собирают горы газет, другие — километры разнокалиберных бечевек, третьи всю жизнь изобретают надежнейшую систему управления ставками или ищут легкий способ сорвать куш на фондовом рынке.

А Фрэнк Моррис был одержим магией.

Жил он один-одинешенек, если не считать кошки. Стулья и столы в его съемной квартирке вечно были завалены старинными томами и манускриптами, стены сплошь увешаны колдовской утварью, а шкафы ломились от чудодейственных трав и эссенций. Люди давно забыли к Фрэнку дорогу, и его это вполне устраивало.

Вообще-то, он ждал гостя, но непростого. И не сомневался, что однажды подберет нужное заклинание и к нему наведается демон, дабы исполнить его наиглавнейшее желание.

Встреча эта снилась Фрэнку по ночам, а дни напролет он колдовал, колдовал, колдовал, проверяя свои теоретические выкладки бесконечными экспериментами. Рядом лежала черная как ночь кошка и следила за его манипуляциями прищуренными желтыми глазами — не домашний зверек, а сама душа

магии.

Он до того привык к неудачам, что успех застиг его врасплох. Над пентагоном, начертанным прямо на полу, вдруг воскурился дымок. Наш волшебник, столь долго мечтавший об этом мгновении, обнаружил, что его бьет сильнейшая дрожь. Ведь за все годы труда и лишений он так и не решил, о чем спросит демона, когда тот посетит его наконец!

Дымок вился-вился да и обернулся огромным серым чудищем. От волнения Фрэнк был сам не свой, он то расхаживал по комнате, то гладил кошку, то грыз ногти, то скрежетал зубами, — но притом отчаянно думал, думал, думал... Загадать можно одно, и только одно желание, таков закон. Чего же просить? Здоровья? А власть не будет ли поценнее? Как насчет бессмертия? Или чем скромнее запросы, тем меньше риска?

Между тем потусторонний визитер материализовался окончательно, его заостренная кверху голова упиралась в потолок, а губы кривились в самой что ни на есть дьявольской ухмылке.

— Желание! — взревел он вдруг, да так грозно, что Фрэнк и его кошка попятнулись.

Желание? Легко сказать.

Уходили драгоценные секунды, нечистый явно серчал. Вот сейчас возьмет и улетучится, и тогда его уже не дозовешься.

Но Фрэнк, двадцать лет отказывавший себе во всем, не может просить чего попало! Ему подавай самое-пресамое лучшее! Снова он подумал о преимуществах

власти, здоровья и бессмертия. И вот уже сделал выбор, уже открыл рот, чтобы озвучить просьбу, — но тут ухмылка гостя сделалась откровенно издевательской.

— Весьма нетривиально, — хмыкнул демон, — однако условиям не противоречит.

Фрэнк ничегошеньки не понял из услышанного. А в следующий миг у него помутилось в голове и свет - померк перед глазами. Придя в себя, он обнаружил, что гость убрался восвояси.

«Какого же дурака я сваял! — подумал убитый горем маг. — Демон ушел, и все осталось по-прежнему...»

Все, да не все. Фрэнк вдруг заметил, что у него удлинились уши, а еще больше вытянулся нос. Обросла серой шерстью кожа, появился хвост. Лукавый превратил его в зверя!

И тут за спиной у Фрэнка раздалось хищное шипение. Он мигом понял все; он в ужасе и отчаянии засеменил прочь по комнате, которая вдруг стала огромной-преогромной...

Но сверху обрушился удар невероятной силы, а потом Фрэнк увидел над собой широченную усатую морду с оскаленными зубами, что слоновьи бивни...

И понял он, что промедлением обрек себя на жуткую смерть. Кошка опередила своего хозяина, и демон счел возможным исполнить ее желание.

А чего может желать кошка, если не мышку?

РОБОТОГНОМИКА

Если вам нужна магия, не ищите ее в депрессивных пригородах.

Сколько лет Эдмонд Айвз мечтал обзавестись оригинальным жилищем! А теперь фешенебельный современный дом наводит на него тоску.

Вот он, Эдмонд Айвз, перед вами — подперев голову, лежит на супербрендовой широченной кровати, смотрит по телевизору резиноволикого комика. Рядом его жена, на глазах у нее бархатная маска для сна, губы поджаты, — Марисса ждет ночного круиза в забвение на борту яхты под названием «Валиум».

И что, по-вашему, это жизнь?

С Мариссой уже неинтересно. Она давно не кажется умной. Не подходит больше эта женщина нашему Эдмонду, тоскующему по новой судьбе и новой среде обитания.

Отчасти данная причина сыграла свою роль, отчасти другие смутные, но настойчивые побудительные мотивы, но результат налицо: Эдмонд развелся и вернулся в Нью-Йорк.

Теперь он ведет счета клиентов в «Леви, Дерстине и Тамерлане», и не сказать, что дела этого рекламного агентства идут в гору. Айвзу тридцать четыре, он

среднего роста, у него каштановые волосы и светло-карие глаза, но черты лица простые, неприметные. Обделив Эдмонда красотой, природа могла бы в качестве компенсации сделать его облик интересным — но увы... В телесериале ему бы подошла роль парня, с которым главный герой когда-то сидел на одной студенческой скамье, — и совершенно непонятно, за что в первой серии этот невзрачный одноклассник прикончил белокурую автостопщицу.

В Нью-Йорке Айвз осмотрел несколько съемных квартир, но по тем или иным причинам ни одна его не устроила. Наконец ему показали многоуровневую квартиру на одной из Восточных Шестидесятых. Сопровождавший брокер вел себя так, будто посвящает клиента в великие запретные таинства.

— На сегодняшнем рынке такое жилье еще поди - пощи! — расхваливал он. — Эту квартиру, да будет вам известно, снимал сам Дастин Хоффман!

Айвз любовался на дичайшие изгибы и углы, на хаотично раскиданные разновеликие ступеньки, что вели на верхний ярус экстравагантного обиталища. Симпатично, но безжизненно; модно, но безлико.

Короче говоря, самое то для Эдмонда.

В тот же день он подписал договор аренды.

И в этой квартире, где пожил сам Дастин Хоффман, в перерывах между работой и телефонными переговорами со своим адвокатом Айвз ждал чуда от знаменитого волшебника по имени Манхэттен.

Нью-Йорк, как известно, щедр на прием заказов, но скуп на доставку. Знаменитая магия не иначе

затерялась где-то в пути.

Через несколько месяцев, одним прекрасным — для всех, кроме Айвза, — летним вечером, наш герой пришел к обескураживающему выводу: ничего чудесного в его жизни так и не случится. Наверное, не стоит ждать даже просто чего-нибудь хорошего. Ему досталась совершенно рядовая, беспросветная судьба, а его квартира все больше смахивает на помойку, которая успешно противостоит вялым атакам часто сменяющихся уборщиц.

И вдруг затрезвонил дверной звонок.

Даже если ваша жизнь в Нью-Йорке сложилась хуже некуда, не отчаивайтесь: всегда существует вероятность, что однажды в дверь позвонят и вы увидите на пороге нечто необычное и даже чудесное. Чаще всего это налетчик-наркоман или судебный пристав. Но иногда...

Айвз отворил дверь. На пороге стоял коротышка средних лет, в поношенном коричневом костюме, с блестящим черным чемоданом.

— Я Бэрдсли, — сообщил он. — Представляю корпорацию «Счастливый быт». Если вы согласитесь уделить мне немного времени...

— Мне это неинтересно, — отрезал Айвз.

Он хотел было закрыть дверь, но Бэрдсли успел сунуть в щель край своего чемодана.

— Не валяйте дурака, — посоветовал Эдмонд.

— Я могу показаться слишком настойчивым, — возразил Бэрдсли, — но в валянии дурака до сих пор не замечен. Я представляю новую линейку бытовых

роботов. А еще я чувствую запах гари.

Айвз тоже учуял. Он кинулся в кухню, лавируя между штабелями старых номеров «Санди таймс».

Колбаски по-мексикански на сковороде превратились в угли, английские маффины чадил в мини-печке, соус «ранчero» прикипел к кастрюле. До развода у Эдмонда не возникало поводов попрактиковаться в кулинарии. Что ж, одним приключением больше.

Включая вытяжку, он заметил, что Бэрдсли следом за ним прошел в кухню. Возмущенный хозяин повернулся к нахальному коротышке, но тот опередил гневную тираду: — Да-да, я помню: вам неинтересно. Но поскольку в этом беспорядке виноват я, позвольте мне организовать уборку.

И Бэрдсли открыл блестящий черный чемодан. Извлеченный оттуда предмет смахивал на дорогую игрушку — дети без ума от этих мудреных кукол, а причина, наверное, в полном отсутствии человекоподобия. Это была полусфера из хромированного металла величиной с половинку дыни канталупы. Снизу к ней крепились две плоские ножки с цепкими пластмассовыми пальчиками и резиновыми круглыми присосками. От выпуклого корпуса отходили две тонкие антенны, каждая заканчивалась глазом. Позади антенн свились в спираль металлические руки, оснащенные множеством миниатюрных инструментов.

Бэрдсли дотронулся до кнопки на доньшке. Дрогнули антенны, и робот-малютка засеменял по

краю кухонной плиты. Первым делом он занялся сковородой — отскреб нагар, прыскавая моющим средством из резервуара. Затем растворил соус ранчеро и разобрался с подгоревшими маффинами. Когда машинка управилась с уборкой, Бэрдсли выключил ее и вернул в чемодан.

Демонстрация заслуживала уважительной паузы, и Айвз не пожалел целой минуты. Наконец сказал: — Ладно, признаю, это выглядит эффектно. И чего стоит такая цацка?

— Мы предпочитаем название «Кухонный кудесник», — сухо ответил Бэрдсли. — Берите его бесплатно.

— В чем подвох? — поинтересовался Айвз.

— Нет никакого подвоха. За пользование этим шедевром гуманитарной инженерии вы не заплатите ни цента.

И Бэрдсли пустился в объяснения. По его словам, корпорация «Счастливым быт» освоила новейшие прорывные технологии в области домоводства. В ходе рекламной кампании многие домохозяйева и домохозяйки на всей территории страны получают образцы продукции. Эти избранные счастливики могут неограниченное время эксплуатировать роботов, причем совершенно даром. Корпорация лишь оставляет за собой право в целях пиара использовать наиболее позитивные отзывы.

— Дайте-ка еще раз взглянуть на машинку, — попросил Айвз.

Бэрдсли вынул «Кухонного кудесника», и Эдмонд -

хорошенько его осмотрел. Как буриданов осел меж двух вязанок сена, он оказался меж двух мировоззренческих парадигм. С одной стороны, он знал: бесплатный сыр бывает только в мышеловке, а *caveat emptor*¹ — фундаментальный закон вселенной. Но верен и другой принцип: удача сопутствует смелым. Упустишь свой счастливый шанс — всю жизнь жалеть будешь.

— Вы не спешите, подумайте, — посоветовал Бэрдсли. — Я через недельку загляну.

— А что тут думать? — буркнул Айвз. — Беру!

Короткий договор, подсунутый торговым агентом, Эдмонд добросовестно прочел и подписал. Бэрдсли спрятал бумагу и включил «Кухонного кудесника». Суча антеннами, робот взобрался на мойку и занялся горой грязной посуды, которую хозяин копил целую неделю в надежде на чудо.

И вот все отдраено, прополоскано, высушено и уложено в буфет. До блеска отчистив раковину, «Кухонный кудесник» убрался в шкафчик — ждать новой задачи.

— Да, считаю своим долгом предупредить, — сказал на прощанье Бэрдсли. — «Кухонный кудесник» не станет мыть полы, окна и тому подобное. Он занимается только кухонной утварью.

Айвза эта новость не смутила. На него снизошло нечто сродни духовному просветлению.

Придя через несколько дней, торговый агент услышал от Айвза самые восторженные отзывы о

бытовом роботе. Но была и жалоба.

— Работает он просто идеально, — говорил Эдмонд, — но только в кухне. Помню-помню, вы предупреждали. И все же послушайте. Допустим, я обедаю в гостиной. Потом надо все самому складывать на поднос, перетаскивать и сгружать в раковину. Если робот может прибираться на кухонном столе, почему не возьмется за обеденный уголок или прикроватную тумбочку?

— Конечно, вам это кажется несправедливым, — ответил Бэрдсли. — Но, видите ли, в философию техногуманизма заложен ключевой принцип: каждое изделие должно иметь функциональные ограничения.

— А попонятнее можно?

— Нам ничего не стоит запрограммировать «Кухонного кудесника» так, чтобы он стриг газон, водил машину, выгуливал собаку, обучал вас суахили и заполнял вашу налоговую декларацию. Вариантам его применения несть числа. Но куда это нас заведет? Многофункциональный робот, следуя своей логике, сделается соперником человека и попытается заменить человека собой. И что в этом хорошего?

— Допустим, — вздохнул Айвз. — Но неужели ваши принципы так уж серьезно пострадают, если изредка «Кухонный кудесник» будет заглядывать в соседнюю комнату и опустошать пепельницу?

— Боюсь, что пострадают, — твердо ответил Бэрдсли. — Но поскольку у нас наладилось столь тесное сотрудничество, корпорация предлагает вам еще одну модель бытового робота, на прежних

условиях. — И он раскрыл блестящий черный чемодан.

«Постельный постельничий», новое приобретение Айвза, представлял собой прямоугольный металлический ящик, покрытый трещиноватой глазурью в мягких серых тонах. Перемещался как горизонтально, так и вертикально на двух, трех или четырех руконогах. «Постельничий» складывал белье, заправлял кровать, развешивал одежду и своевременно менял полотенца. А еще он опрастывал пепельницы и собирал по всей квартире грязные тарелки, чашки и стаканы, чтобы препоручить их заботам «Кухонного кудесника».

Эдмонду такая помощь была по душе. И все же идеально чистая пепельница выглядит как-то нелепо, когда в ванне ржавые потеки, а на жалюзи годовые наслоения пыли. Бэрдсли посочувствовал Эдмонду и не отказал в помощи. Через несколько дней он доставил «Мощного мойщика» — этакого длинного членистого алюминиевого червя. «Мощный мойщик» отвечал за полы, ковры, окна, жалюзи, занавески, ванны и унитазы. В качестве бонуса Эдмонду досталась «Практичная прачка», амбулаторной белизны куб со стороной три фута. В отсутствие Айвза она ползала по комнатам и вынюхивала грязное постельное белье и одежду, после чего подключалась к водопроводу и стирала. Кроме того, она владела секретами химчистки и бережно обращалась с деликатными тканями.

Затем у Айвза в домашнем хозяйстве появилась

«Стремительная стряпуха», осьминожка средних размеров. Ее виниловые щупальца, усаженные температурными датчиками и заканчивающиеся вкусовыми сенсорами, предлагали небольшое, но вполне приемлемое меню: яичница, сэндвич, чизбургер, хотдог, чили и тако.

Вскоре после «Стремительной стряпухи» в квартире поселился «Наполеон напитков» — трехногий ходячий холодильник с головой-миксером и функцией быстрого приготовления мороженого. Робот-бармен обладал энциклопедическими познаниями в области коктейлей и специализировался на мартини.

Затем Бэрдсли представил Айвзу «Технологию эмоционального усовершенствования жизни» — новое направление в деятельности корпорации «Счастливый быт». Базовую модель звали «Чудо-чуткостью», она представляла собой дорогой набор аудиотехники в элегантной белой металлической тумбочке с восемью ножками. Вся покрытая лампочками, шкалами и жидкокристаллическими дисплеями, как же умилительно она ковыляла по бежевому напольному покрытию и подключалась к розеткам! «Чудо-чуткость» ведала музыкой, освещением и успокоительным звуковым фоном. Несколько дней она анализировала эмоциональные циклы Айвзы, а потом создала специально для него постоянно меняющуюся аудиосреду. Теперь по утрам Эдмонд просыпался то под горестные крики чаек, то под шорох прибоа, то под далекий рев спаривающихся тюленей, то под мерный перестук дождевых капель.

Безошибочно угадывая хозяйское настроение, «Чудо-чуткость» крутила его любимую музыку и при этом соответственно регулировала освещение в комнате.

Окруженный сонмом ревностных слуг, Эдмонд казался себе не то царем, не то богом, чей малейший жест имеет наиважнейшее значение. И впервые в жизни он был счастлив. Как хорошо возвращаться с работы домой, где тебя встретят и окружают чуткие помощники, и притушат лампы, и безошибочно угадают, какую музыку ты не прочь послушать... Эдмонда всегда ждал ужин, приготовленный либо «Стремительной стряпухой», либо новинкой от «Счастливого быта» — «Гуру-гурманом». После ужина как по волшебству на столе появятся напитки, и «Чудо-чуткость» найдет по телевизору любимый телесериал хозяина или поставит видеокассету из умело подобранной фильмотеки, а потом убаюкает душевной музыкой.

И до того уютно было Айвзу по вечерам, что он и не заметил, как стал проводить дома все свободное время. А собственно говоря, что он забыл на грязных и опасных улицах Нью-Йорка? Стараниями корпорации «Счастливый быт» Эдмонд обрел идеальный приют отшельника посреди мегаполиса — здесь он совершенно независим и самодостаточен. Женщины, друзья — все это уже не кажется привлекательным. Его жилище наполнено волшебством, так о чем еще можно мечтать?

Однажды к нему наведальась Марисса, бывшая жена, — решить судьбу оставленных им книг и газет. Айвз

велел «Гуру-гурману» приготовить изысканные блюда французской кухни. «Наполеон напитков» подобрал отменные вина и охладил с точностью до градуса, а «Чудо-чуткость» обеспечила бесподобную цветомузыку. В конце ужина «Пастельный постельничий» принес редкий выдержанный арманьяк.

Потягивая напиток, Марисса наконец сказала: — Эдмонд, все это великолепно...

Айвз почувствовал недоговоренность.

— Но?

— Но я никак не могу понять, где здесь ты.

Уж чего-чего, а такого отзыва Эдмонд не ожидал. Его смех прозвучал неуверенно.

— Вот это все и есть я.

Поразмыслив над услышанным, Марисса вздохнула: — А ведь похоже на то.

— Что-нибудь не так?

— Все так... раз тебе нравится, — ответила она.

Айвз не понял намек, а Марисса не захотела разъяснить.

После ее ухода Эдмонд подумал-подумал и решил, что она просто завидует. Разве он живет не в раю?

Он поднялся в спальню, разделся, бросая одежду на пол, — знал, что «Пастельный постельничий» не замедлит все собрать. Улегся в постель — чистую, согретую «Практичной прачкой» — и быстро уснул.

Но среди ночи внезапно проснулся. Глянул на часы — двадцать минут пятого. Видно, все-таки пронял его слова Мариссы — сна теперь ни в одном глазу. Он

лежал и смотрел, как ползут по потолку запрограммированные тени, и слушал записанную тишину.

А потом откуда-то издали донесся тихий смех.

Эдмонд встал, накинул халат и на цыпочках спустился в неосвещенную гостиную. Шепот, уже разноголосый, исходил из кухни.

Там, на полу, кружком расположились «Кухонный кудесник», «Пастельный постельничий», «Наполеон напитков» и «Мощный мойщик». «Практичная прачка» поделила обеденный уголок со «Стремительной стряпухой» и «Чудо-чуткостью», поверх которой угнездился «Гуру-гурман». Еще два робота забрались на плиту, их Айвз видел впервые в жизни.

— Что тут происходит? — спросил Эдмонд.

— Это он, — сказала «Чудо-чуткость».

— А ведь я просил, чтобы ты глаз с него не спускала, — упрекнул ее «Гуру».

— Ничего, так даже лучше, — возразил «Пастельный постельничий». — Айвз успел к нам привыкнуть, и пора открыть ему глаза на правду.

— Мистер Айвз, — обратился к хозяину «Кухонный кудесник», — на самом деле мы никакие не роботы, а представители народа, который успел состариться еще до рождения вашей планеты, в процессе своего развития научившись обходиться без тел и вообще преодолев зависимость от материи. Таков заключительный этап эволюции разума, и мы вступили в него с превеликим энтузиазмом.

Бестелесные умы, практически бессмертные, мы витали по Галактике и упивались безграничной свободой. Вы следите за моим рассказом?

— Конечно, — ответил Айвз, больше дивясь своему спокойствию, чем откровениям инопланетянина. — Но зачем вы проникли в мою квартиру под видом роботов?

— Видите ли, — ответил «Кухонный кудесник», — хотя бытие просветленного бестелесного разума — лучшее, что можно получить от эволюции, и все-таки через несколько веков становится как-то не по себе. Хочется снова обзавестись телом. Ну, просто разнообразия ради.

— Вас можно понять, — кивнул Эдмонд.

— И тут встает вопрос: как это тело должно выглядеть? Нам что, снова стать человекоподобными? Это было бы как-то глупо, ведь мы такой жизнью сыты по горло. Чем только не занимались — вкладывали деньги в банки и крали их оттуда, выигрывали и проигрывали войны, влюблялись и разочаровывались в любви. Нет, наша жизнедеятельность должна приносить пользу. Мы хотим помогать разумным существам. Исходя из подобных соображений, мы прочесали здешний сектор Галактики на предмет обитаемых миров. Нашли несколько интересных цивилизаций, но они прекрасно обходились без нас. Мы здорово приуныли, мистер Айвз, но тут, на счастье, нам подвернулась Земля.

— Восхитительная планета! — добавил «Пастельный постельничий». — Несколько

миллиардов разумных обитателей, в большинстве своем глубоко несчастных — они вынуждены заниматься совершенно не тем, что им по нраву. Этот мир будто специально для нас создан.

— Мы вступили в телепатический контакт с Бэрдсли и еще несколькими землянами, — продолжал «Кухонный кудесник». — Они с радостью согласились принять технические знания в обмен на содействие. Следуя нашим инструкциям, учредили корпорацию «Счастливый быт» и набрали минимум необходимого персонала, чтобы конструировать для нас механические тела и предлагать желающим наши услуги. Мы и надеяться не смели на такой ажиотажный спрос.

— Трудновато поверить, — заметил Айвз, — что на все эти хлопоты вы пошли ради стирки белья и мытья тарелок.

— Это вы потому так рассуждаете, — ответила «Практичная прачка», — что ни разу не побывали в шкуре древнего, бестелесного, свободно витающего в космосе, абсолютно просветленного разума.

— Должно быть, вы правы, — согласился Эдмонд. — Но если у вас такое жгучее желание помогать землянам, почему не дадите нам простое лекарство от рака, не научите ездить на автомобилях по воде, не предложите еще что-нибудь столь же полезное?

— Люди только обидятся, — объяснил «Пастельный постельничий». — Да и нам этот вариант неинтересен. Вот мойки драить и шторы стирать — это да, настоящее удовольствие. И ни один землянин

от такой помощи не откажется.

— Ну а вдруг люди узнают правду? И укажут на порог, несмотря на все ваши услуги?

— Тогда мы улетим, — сказал «Пастельный постельничий». — Насильно мил не будешь. И если вам, мистер Айвз, угодно от нас избавиться, только скажите.

— Я просто спросил, — смутился Эдмонд.

— Итак, теперь вы все знаете, — заключил «Кухонный кудесник». — А на часах, как я погляжу, уже почти пять утра. Мистер Айвз, вы, наверное, спать хотите.

— Да, вздремнуть не мешало бы, — согласился Эдмонд. — Но сначала скажите, кто это. — Он кивнул на плиту, где сидели два незнакомых робота.

— Его зовут «Почтенный повар», — ответил «Постельничий», — он только что поселился у Барлоу, в квартире двенадцать-си. А это «Гуманная гувернантка», ее недавно взяла к себе семья, живущая в соседнем квартале. Ребята просто зашли в гости.

— Скоро вы увидите еще много таких, как мы, — пообещал «Кухонный кудесник». — Просто диву даешься, сколько людей нуждается в наших услугах. Спокойной ночи, мистер Айвз.

Через несколько минут Эдмонд снова лежал в постели и следил за передвижением теней по потолку. Из динамиков «Чудо-чуткости» звучало нечто спокойное и мелодичное, но вместе с тем крутое и мужественное — под такую музыку впору засыпать Клинту Иствуду.

Эдмонд Айвз — главный герой в собственном фильме, сам себе господин. А то, что привнесли в его жизнь пришельцы, — всего лишь толика долгожданного волшебства. Значит, все в порядке.

И только одно его беспокоило. В сущности, пустяковый вопрос. Почему «Счастливым быт» выпускает только узкоспециализированные машинки? Упомянутая Бэрдсли философия техногуманизма тут совершенно ни при чем, поскольку корпорация, как выяснилось, производит не настоящих роботов, а роботоподобные тела для инопланетян.

А потом он понял. «Кухонный кудесник» говорил о целой расе бестелесных существ — их, должно быть, миллионы, а то и миллиарды. И каждая ждет не дождется возможности послужить кому-нибудь на Земле. Чем меньше у робота функций, тем больше нужно самих роботов. Пять-десять слуг на человека, это сколько получается на человечество? Миллиардов двадцать-тридцать?..

Айвзу вдруг представилось, как Земля превратилась в гигантский зоопарк. Только вместо клеток дома и квартиры. Они набиты двуногими животными, существами тихими, неагрессивными, всем довольными. А опекают их маленькие инопланетные смотрители: дают тепло, одежду, пищу и развлечения.

Пришельцы предлагают удобное стойло и торбу с овсом на шее. Такое у них представление о предназначении человечества. Глупость несусветная, конечно, — умные и гордые земляне не опустятся до скотского состояния. Обязательно подведут черту,

когда возникнет такая необходимость.

Нимало в этом не сомневаясь, Айвз погрузился наконец в глубокий освежающий сон.

¹ Да будет бдительным покупатель (лат.). — Здесь и далее примеч. пер.

ДЖУЛИ-И-ИН!²

Лента транспортера везла мимо Джорджа пульсирующие комочки. Такая у него была работа: стоять у конвейера и выявлять дефекты. Искусственные сердца — на вид бурые железные кулачки — располагались по одному на каждый метр, и Джордж следил, чтобы не было никаких отклонений от нормы в цвете или покрытии. То и дело он поворачивался к экрану и всматривался в складывающиеся из пикселей рисунки, а затем снова переводил взгляд на сердца.

Со стороны могло показаться, что Джордж лишь мельком посматривает на синтетические органы, но работал он с поразительной точностью. Неизменно выявлял любые неисправности, замечал брак в почти микроскопических деталях. Ведь если пропустить дефект, сердце работать не будет. Или будет, но в самый неподходящий момент остановится.

Работа была совсем несложная. Начальник, Картаго, постоянно твердил: проверка сердец — не дело для зрелого мужчины с тремя инженерными образованиями. В «Биггз протезис» Джордж мог выбрать куда более увлекательную специальность, однако наотрез отказывался уходить с контроля качества. Он собирался стоять у этого конвейера и

проверять сердца, пока в голове у него вопит голос: «Джулин!»

Даже не так. «Джули-и-ин!»

Голос умолкал лишь по пятницам, когда Джордж забирал свою Джулин и вез ее в закусочную «Замок Дебби», где подавали лучшую еду на десять миль вокруг Парсиппани, что в штате Нью-Джерси. Затем они шли в квадрокинотеатр при торговом центре, а иногда катались на роликах. У Джулин имелись собственные коньки — белые, с высокой шнуровкой — и юбочка клеш. Джулин умела выделять разные трюки: ехать задом наперед, оперев руки в бока, и вращаться. Голос в голове смолкал, и сердце Джорджа наполнялось радостью.

Джулин любила послушать, как Джордж рассказывает о своих новых изобретениях... правда, надолго ее не хватало. Какой прок от этих мудреных штучек-дрючек? Да, это практичные вещи: магнитофон Джорджа умеет варить кофе, а сковородка «Джулин» сама себя чистит, — но они никогда не покидали подвальной мастерской, не добивались до патентного бюро. Джордж только сидел и подсчитывал очки на нескольких экранах резально-игральной машины, что и овощи шинковала, и кости кидала.

Поэтому на последнем свидании Джулин порвала с Джорджем. Променила его на Перри Шапиро, младшего бухгалтера из сети супермаркетов «Пэтмарк». Тот играл в гольф, а в магазин за продуктами шел с оформленной по всем правилам

делопроизводства заявкой: «хлеб — 1 шт., яйца — 1 упак.» — и так далее.

Ах, Джули-и-ин...

Джорджа подергали за рукав, и он вскинул голову. Увидел перед собой знакомое лицо Сая, чернокожего механика, а у него за спиной — яркие огни гудящего цеха. Джордж частенько впадал в этакий транс, который, правда, никак не сказывался на качестве его труда. Вот только сослуживцы постоянно ворчали: как можно спать на работе?

— Картаго вызывает, — сказал Сай.

Джордж кивнул, уступая рабочее место, и сменщик понизил скорость движения ленты до улиточьей. Вечно угрюмый Сай на проверку сердца времени тратил втрое больше, чем Джордж.

Поднявшись на второй этаж, Джордж постучался в дверь с табличкой «Входите». Впрочем, начальник любил, когда посетитель стучится. А еще он требовал, чтобы его величали доном.

— Входите, — крикнул босс.

«Дон» Доминго Картаго был тучен, его голову венчала копна черных кудрей. Несмотря на свои немалые габариты, одевался он как амбициозный и успешный делец: неизменно отутюженный костюм и черные, начищенные до зеркального блеска остроносые туфли. На столе у него лежал экземпляр «Возьми все от жизни и бизнеса» в ярко-желтой обложке.

Картаго кивнул вошедшему, затем кивнул на стул. Джордж присел.

— Хорошие новости, Джордж! В исследовательском отделе стартует новый проект. Для человека твоего масштаба работенка несложная.

— Звучит заманчиво, мистер Картаго, — соврал Джордж. — То есть дон.

— После обеда подашь заявление на перевод. Задачу в принципе можно выполнить за день-два.

— Отлично, дон Картаго, — на сей раз искренне обрадовался Джордж. — То есть в четверг я вернусь на контроль качества?

— Прости, Джордж, но пора тебе завязывать с проверкой сердец.

Джордж не поверил ушам.

— Уж больно ты хорош для этой работы. Мы заменим тебя ДМИ.

— Чем-чем?

— Дополнительным мобильным интеллектом. Робот такой, экспериментальная модель. Мы его сконструировали и собрали здесь, в «Биггз протезис», в отделе оборонных технологий. Потратили шесть лет и тридцать миллионов долларов, зато теперь у нас первый в мире автономный самодвижущийся робот, обладающий невероятной чувствительностью. Твоя работа идеально совмещает в себе требования к визуальному, когнитивному и частотному контролю, то есть превосходно подходит для полевых испытаний нашего прототипа. Если повезет, мы будем проверять на ней всех ДМИ!

— Так я уволен? — спросил Джордж.

— Не совсем. Пару дней поработаешь как вольно-

наемный специалист, сможешь адаптироваться ДМИ. Да и потом не пропадай! Заглядывай время от времени... на правах консультанта. Будешь проверять, как справляются роботы.

Джордж оглядел расставленные на полках из огнеупорного пластика награды. По стенам были развешаны рамки с фотографиями суперуспешной семьи босса: Картаго улыбались от уха до уха.

— Вы меня вышвыриваете на улицу.

— Мы не хотим терять тебя, Джордж, — сказал начальник. — Это с одной стороны. С другой — мы и не можем тебя потерять, ведь ты был как бы не с нами. У тебя беда с мотивацией, нет боевого духа, ты не выкладываешься. Люди видят, что ты буквально спишь на ходу. Каково им, по-твоему? Верно, не по себе. Когда захочешь наконец работать как следует, дай знать.

Джордж кивнул. Его щеки налились малиновым жаром. Это неправильно! Несправедливо увольнять человека только за то, что он слишком хорош для занимаемой должности и не спешит делать карьеру! Джордж напряг извилины, пытаясь подобрать слова протеста, но нашел лишь...

Джули-и-ин!

Обширный бетонный корпус лаборатории отделялся от фабрики сетчатым забором. Первый охранник открыл ворота с электронным замком и, пропустив Джорджа вперед, сонно поплелся за ним по длинному переходу. Второй охранник провел Джорджа в отдел

прототипов; там лаборант в белом халате нашел имя Джорджа в списке.

Внутри на столах грудами лежали похожие на ярких жуков резисторы и конденсаторы, змееподобные куски припоя и катушки проводов в блестящей оплетке. В мягком свете флуоресцентных ламп гудели и пощелкивали восемьдесят агрегатов. Одетый в черное трико человек с сальными патлами сердито посмотрел на Джорджа, швырнул на пол тестер цепи и заперся в боковом кабинете. Джордж огляделся в поисках того, кто введет его в курс дела. Тут его окликнули из дальнего конца лаборатории: — Сюда, сюда, пожалуйста!

Джордж пошел на голос. Его встретил юноша приятной наружности, в коричневом твидовом пиджачке. Оторвавшись от экрана осциллографа, он произнес: — Значит, это вас ко мне прислали? Добро пожаловать.

Джордж пожал протянутую руку, которая вдруг оторвалась по самый локоть.

Джордж до того поразился, что даже испугаться не смог. Он продолжал трести руку, пока юноша не забрал ее и не пристегнул на место.

— Сюрпризик, а? Зато сразу понятно, кто я и что я. Экспериментальный робот, ДМИ. Но это только между нами. Информация совершенно секретная.

Робот отстегнул голову от шеи и подмигнул Джорджу, затем вернул голову на место.

— Не такого я ожидал, — признался Джордж.

— Меня вообще никто не ждал. Инженеры и ученые

намудрили с транзисторами и препаратами, и вот он я. Появился, правда, не в нынешней форме. Сначала меня хранили в памяти компьютера, затем я с помощью здешних работников создал себе тело. Шикарно получилось! С людьми общаться стало намного удобнее. Потом я попросил прислать вас.

— Вы? Меня?

— Нужна ваша избыточная мощность, — пояснил робот.

— Что-что?

— Бросьте, все вы понимаете! На этом заводе люди работают на пределе сил — умственных и эмоциональных. Чуть увеличь нагрузку, и у них все цепи замкнет накоротко. Фигурально выражаясь, конечно. Только вы и тот охранник, что спит на ходу, обладаете избыточной мощностью. Я бы хотел у вас этому научиться.

— Избыточная мощность, — эхом повторил Джордж. — Экое забавное определение.

— О, вам промыли мозги. Люди вроде Картаго стремятся сделать мир лучшим местом обитания посредственностей. Они не понимают, что труд — опиум для народа. Им невдомек, в чем настоящая задача людей на Земле.

— И в чем же наша задача?

— Сами поймете со временем, — не без высокомерия ответил робот. — А теперь мне потребуется от вас полнейшее доверие и теснейшее сотрудничество. Приступаем к тестам.

Он принялся записывать фрагменты разума

Джорджа на крохотные радужные квадратики. И хотя эта технология была создана лишь для того, чтобы робот мог освоить профессию Джорджа, ДМИ рассудительно заметил: — Никогда не знаешь, что пригодится.

Он сохранил в памяти политические взгляды Джорджа, его познания в искусстве, древней истории, гистологии, истерии, гистодермии и гиппопотамах... и еще много-много всего.

Закончив с сознательной частью разума, дополнительный мобильный интеллект перешел к подсознательной. При этом он постоянно хихикал, и Джордж не преминул выказать ему свое раздражение. На это ДМИ ответил, что к изучению человека следует подходить с чувством юмора, а иначе зачем вообще это делать. Ничего из сказанного роботом Джордж не понял, зато теперь неплохо представлял себе его мироощущение.

По замыслу создателей такой робот должен был заменить на работе любого, кто вдруг заболит или умрет. Они надеялись, что однажды робот даже заменит пожарных и космонавтов. Применение ДМИ вместо простых работников обошлось бы слишком дорого. С Джорджа робот начал чисто проформы ради — его труд идеально поддавался анализу, так как основывался на интерпретации по незначительным визуальным признакам. Робот мог бы начать и с Картаго, и с президента компании доктора Фернглоу, известного тем, что засеивал площадку для гольфа исчезающими видами трав. Однако ДМИ непременно

хотелось познать «избыточную мощность» Джорджа — что бы она собой ни представляла. И заняла запись более двух недель.

Ночью Джордж приходил домой, не понимая, что происходит. С работы его попросили, однако на качестве жизни это никак не сказалось — человек он был бережливый. К тому же он получил расчет, и теперь ему платили пособие по безработице. Вернули долги друзья. Кое-какая денежка капала за консультации.

Джордж так и возился со своими изобретениями. Толку от них, впрочем, не было, особенно от недавних. Например, от машины, которая могла заболеть раком. Джулин назвала Джорджа сумасшедшим, потом, извинившись, отказала во встрече. Дескать, в пятницу она занята. Ее слова еще долго звучали в голове у Джорджа, и робот их записал.

Наконец наступил великий день, когда ДМИ вышел на работу. Джордж явился в цех — там были «дон» Картаго и собственно робот, в джинсах, застегнутой под горлышко синей рубашке фирмы «Брукс бразерс» и зеленовато-желтых ковбойских сапогах из кожи мула. Огромная пряжка ремня с воодушевлением призывала: «НАСА, вперед!»

Мимо скользила конвейерная лента с сердцами, и ДМИ проверял их. Несколько часов все шло отлично: робот не пожелал отойти на кофе-брейк и обеденный перерыв. Но в 13:45 вдруг остановился. Он пропускал сердца — и хорошие, и с дефектами.

— В чем дело? — спросил Картаго.

— Я тут, понимаешь, работаю, — ответил ДМИ, — а где награда?

— Нет, вы подумайте: машина просит награды!

Джордж решил вступить за приятеля:

— Вот потому-то все прочие машины имеют ограничения. Никто не хочет работать задаром.

Они с начальником взглянули на хмурого робота, за спиной у которого проезжали пульсирующие сердца.

— Ну, — произнес мистер Картаго, — и чего же мы хотим?

— Джулин, — ответил робот.

— Что-о? — переспросил мистер Картаго. — Что за Джулин?

— Джулин, — пояснил ДМИ, — это особа женского пола, с которой ходят в кино.

— Боже! — пробормотал мистер Картаго. — Вот тебе и на! Где моя секретарша? Может, она сгодится?

— Она Джулин?

— Меня зовут Линда, — представилась подошедшая секретарша.

— Значит, ты не годишься, — ответил робот.

Удивительно, но факт: робот прекрасно понимал, что Джулин ему ни за каким дьяволом не нужна. Он не мог быть с ней, и ему без нее было лучше. Однако ДМИ продолжал хандрить, отказываясь работать.

— Измени-ка свои настройки, — приказал ему Картаго. — Пожелай чего-нибудь достижимого. Например, ранчо в Парагвае или небольшую сумму денег на счету.

— Люди-то своих настроек не меняют, — ответил робот. — Я решил быть как люди, и мне нужна Джулин. Или я не работаю.

— Джордж! — возопил Картаго. — Это ты виноват! Ты вывихнул мозги нашему роботу!

— Я?! Он сам себе мозги вывихнул!

— Мне конец! — взвыл Картаго.

— Джули-и-ин! — протянул робот.

— Адье, — сказал Джордж.

— Ты куда это? — спросил Картаго.

Джордж, не оборачиваясь, побежал к выходу.

— А ну вернись! — закричал Картаго. — Хотя бы сердца рассортируй!

Вот он, шанс вернуться на работу, но Джордж не воспользовался им.

Полгода спустя больная раком машина заняла первое место на Парижской ярмарке технологических искусств. Новая секретарша Джорджа Линда успешно продвигала на рынке его кухонные «творения». Машина по клонированию дефектных сердец получила главный приз как изобретение года. Все, к чему ни прикасался Джордж, обращалось в золото.

Когда к нему пришла репортер, в подвальной мастерской стоял шум и гам. Медсестра объясняла рабочим, куда складывать листы металла и лакричник. Надрывался телефон; туда-сюда валко бродили, приставая друг к другу с жалобами, перебинтованные гаджеты. Джордж сидел в кресле-качалке и поглаживал капризного котенка из пушечного

металла.

— Когда вы все это успели сделать? — спросила журналистка. — В чем ваш секрет?

Джордж заглянул ей в глаза, на которых пылливо поблескивали контактные линзы.

— Нужно жить настоящим, — ответил он. — Я усвоил урок: мы имеем лишь то, что имеем, а не то, чего хотим. Все мое счастье, — он обвел рукой гудящий подвал, — в том, что я научился жить без Джулин.

— Джули-и-ин! — вскричал робот.

— А это кто? — спросила репортерша.

— Собственно, мой педагог, — ответил Джордж. — У нее я всему и научился.

Через два месяца Джулин вышла за Перри Шапиро. Джорджа это нисколько не огорчило — ну, может быть, самую малость, — и он искренне пожелал счастья молодоженам.

Зато робот сочинил сонет, в котором зарифмовал имя Джулин с габардином, балдахином, каротином, а еще — с павлином, карантинном, вазелином и сардинами. Стих вышел ужасный. Эпоксидным клеем он приклеил листок к видеоманитофону Джорджа, а после намертво спаял себя с раковым кухонным комбайном. Погибал он медленно и мучительно.

ДМИ был совсем не простой машиной, и Джордж долго стоял над его почерневшими останками.

Но впереди ждала работа, да и плакать-то не хотелось.

2 В соавторстве с Джей Шекли.

ПЛЕЙ-ОФФ ДЛЯ ЗРИТЕЛЕЙ³

Ой, и не говорите, выгляжу я паршиво. Поспори́л с судьбой — и судьба победила. Всего-то хотелось посмотреть хоккей! А теперь кажется, проще Европу завоевать.

Вчера вечером по каналу И-эс-пи-эн транслировали финальную игру за Кубок Стэнли, и я настроился получать удовольствие. Включил телевизор, и, пока - кинескоп прогревался, я откинулся на спинку накрытого пледом дивана, с баночкой «Курса» в одной руке и хорошей сигарой в другой.

— Начинается! — объявил комментатор Бад Филипс. — Игра, которую мы ждали! «Айлендерс» против «Нью-Йорк рейнджерс»!

Игроки выехали на лед. Синий, белый и красный цвета так здорово смотрелись по кабельному!

«Эх, хорошо», — подумалось мне.

Я пыхнул сигарой, запил дымок пивом и на секунду прикрыл глаза. Я был счастлив.

Взглянув на экран, я вместо картинки увидел белую пелену. Вытаращился, поморгал — ничего не изменилось. Выключил телик, снова включил, и — оп-па! — изображение появилось. Правда, оно прыгало и скакало, по экрану бегали вертикальные полосы. Повозившись с настройками, я их убрал... вместе с

игрой, потому что экран превратился в снежное поле, кишасщее опарышами. Динамик не то свистел кипящим чайником, не то трескуче смеялся.

Решив, что один сигнал наложился на другой, я попереключал каналы, но нигде не обнаружил юмористической передачи. А стоило наклониться к антенному проводу, как раздался сочный баритон.

— Сожалеем, — безо всякого сожаления сказал диктор, — но по техническим причинам мы вынуждены прервать трансляцию этого исторического матча. Вместо него предлагаем посмотреть умилительную детскую комедию тысяча девятьсот семьдесят девятого года «Маппеты» с лягушонком Кермитом в главной роли.

Пиво вдруг стало совершенно безвкусным. Какого дьявола?! Посмотреть игру в уютной домашней обстановке — это что, запредельное желание?

Я поставил банку на кофейный столик и вышел в коридор. Спустился на этаж ниже, к Свенсонам. Мы с Джимом Свенсоном не одну ночь скоротали за ожесточенными партиями в шахматы. Джим, в спортивном костюме, открыл дверь и, как обычно, хмуро пробормотал:

— А, это ты, Добсон. Ну, привет.

— ...Шайба у Дениса Потвина... — говорил за его спиной околдованный магией игры комментатор. — Он преодолел оборону противника, вы только посмотрите... Потвин выходит один на один с вратарем...

Я вытянул шею, чтобы заглянуть Джиму через

плечо. На экране Потвин, с большой цифрой 5 на спине, летел к воротам противника.

Не успело выражение облегчения у меня на лице смениться радостной улыбкой, как Потвин исчез. Экран побледнел, и голос Бада Филипса сменился белым шумом. Беда постигла только И-эс-пи-эн, прочие каналы работали нормально. Мы с Джимом тупо стояли перед телевизором, ожидая непонятно чего.

— Ввиду непредвиденных обстоятельств, — заговорил диктор, и я простонал про себя: «Не-е-ет!», — мы прерываем трансляцию этого спортивного события. Предлагаем вашему вниманию фильм Общества Джона Мьюра «Храбрые андийские кондоры».

Хоккейные болельщики — люди особенные. Для нас трансляция матча — главная радость в жизни, лишиться ее — все равно что приговоренному к смертной казни не получить губернаторскую отсрочку. А хуже всего незнание. Оно разрушает надежду и открывает дорогу горькому разочарованию.

Короче говоря, так и в Бельвю⁴ загреметь недолго. Но сходить с ума я не стану даже из-за финальной игры, вот уж дудки.

Попрощавшись с Джимом, я отправился гулять.

Воздух был свеж, и дышалось легко. В магазине «Ол найт» продавали овощи и тюльпаны: желтые и красные. От этих ярких красок мне полегчало. Поэтому, заметив, что миновал салун «Гилгули», я сдал назад. Там в зале большой экран, кабельное со

стереозвуком. Поболею с хоккейными фанатами, может, даже покричу от души. Да и пивка хлебнуть было бы неплохо.

Войдя в двери с большой резной буквой «Г», я увидел бармена Стю. Внутри прозрачной барной стойки плавали экзотические рыбки, а сверху, в посудине, наполненной до жути похожей на формалин жидкостью, — сосиски.

— Привет, Добсон, — поздоровался Стю. — Игра-то налаживается!

Под потолком висел телевизор с выпуклым экраном. Игрок «Айлендерс» Майк Босси опрокинул Дина Талафуза. Дин поднялся и развернулся к Босси. Фанаты на трибунах ревели и скандировали. Игроки с обеих сторон словно взбеленились. Я, как и все остальные в салуне, смотрел на экран... который вдруг возьми да побелей. Целых десять секунд динамики молчали, и посетители не смели даже чихнуть или ругнуться шепотом. Наконец колонки по бокам бара изрыгнули такое вот объявление:

— Мы прерываем передачу для прямой спутниковой трансляции интервью с обладательницей Нобелевской премии мира матерью Терезой. Этот отрывок из фильма «Кормление прокаженных» дарит вам фирма «Ксерокс».

На большом экране возник расплывчатый образ крохотной седой старушки, но что она говорила, я не расслышал из-за воя и проклятий фанатов.

«Гилгули» — очень приличное заведение, тут подают семь сортов пива, но настроение у народа

может испортиться где угодно. Сегодня в салуне собрались яппи (костюмы в полоску) и несколько художников-рекламистов (джинсы «Гесс»). Эти ребята не слывут дебоширами, но мне отчего-то не хотелось ждать, пока они совсем озвереют. Поэтому я тихонько выскользнул из бара и пошел домой.

У подъезда своей высотки я остановился и взглянул на фасад, на мозаику освещенных и темных окон. Здание в тот миг казалось монументом логике и разумности. Я спокойно поднимался лифтом к себе на этаж, предаваясь своему новому хобби — ниочемнедуманью. Но по пути к своей жилплощади (только так именуется квартиру наш управдом) слышал, как из-за каждой двери доносятся звуки трансляции.

Когда я уже был готов переступить порог, из квартиры напротив донесся азартный голос Бада Филипса:

— ...Игрок «Рейнджерс» на время покидает лед. Численное преимущество вновь на стороне «Айлендерс»...

Голос комментатора доносился из квартиры миссис Валериан. Я в один прыжок очутился у нее под дверью и нажал кнопку звонка. Валериан шла открывать целую вечность. Неудивительно, с ее-то распухшими лодыжками.

— Пару яиц не одолжите? — придумал я повод войти к ней в дом.

Она мигом заметила пивное пятно у меня на штанах:

— Добсон. — Валериан вообще дама не из

болтливых. — Из квартиры напротив.

— У вас есть яйца? — страдальческим тоном спросил я.

В тот момент миссис Валериан превратилась для меня в препятствие на пути к телевизору.

Миссис Валериан двинулась в сторону кухни, бормоча на ходу:

— Уже третье удаление.

Надо же! Оказывается, она все-таки человек! Причем наш человек!

Она оставила дверь открытой, и я вошел. Ах, как восхитительно мелькали на экране синие, белые, красные пятна!

— ...Не игра, а сказка! — вещал Бад Филипс. — Какой великолепный боковой пас! Кажется, я в жизни не видел такой отличной игры!..

Трансляция прервалась. На экране крупным планом возникло лицо мужчины в очках. Камера взяла очкарика крупнее, и я узнал его. Это был актер, что снимался в рекламе и спрашивал: «А вы страдаете от нервного напряжения и головной боли?»

Сейчас, однако, он произнес:

— Привет, я Глен Монро Уилсон. Знаешь, сегодня игру в США и Канаде смотрят около девяти миллионов зрителей. Серия матчей «Айлендерс»—«Рейнджерс» выдалась настолько напряженной, что к финалу аудитория увеличилась вдвое.

Тут он снял очки в жуткой черной оправе, вздохнул и уставился в камеру честным взглядом, на какой

способен только профессиональный актер.

— А теперь я скажу вот что, — продолжил он. — Мы, правда, надеялись вообще этого не говорить, но... Не всем выпадает счастье посмотреть игру вроде сегодняшней. Те, кто в полете, останутся недовольны, ну и черт с ними. Однако некоторые люди, истинные поклонники хоккея, пропустят самую захватывающую игру сезона. А это нехорошо, Джозеф Добсон.

Сердце у меня чуть не выскочило изо рта.

— Добсон, будь человеком, не нарушай наших планов. Не ломай кайф остальным. Если не понимаешь намеков, скажу напрямик: у тебя есть программа телепередач, у нас — список зрителей. Так вот, тебя в списке нет. Найди себе другое занятие на сегодня, Добсон... Добсон? Добсон?!

В какой-то миг мне показалось, что я застыл. Что я превратился в полено и жду, когда меня разрубят в щепу.

Потом вдруг выяснилось, что двигаться я все же могу, и не просто двигаться, а бежать. И я побежал, не дожидаясь яиц, не закрыв за собой дверь. Промчался мимо своей квартиры, из которой гремел загадочный смех, промчался мимо лифта. По пожарной лестнице спустился на тротуар. Поскольку бежать было некуда, я двинул обратно в «Гилгули».

За время моего отсутствия довольная толпа в костюмах и джинсах превратилась в группку из восьми людей, похожих на подравшихся полузащитников. На полу образовался ковер из битого

стекла. Бармен Стю был чуть живой. Тем не менее я присел на красный барный табурет и заказал бокал пива. Опрокинул его в себя и попросил повторить.

Вскоре я разговорился с Эдди, автомехаником. В смысле я пытался говорить, но Эдди все болтал и болтал, не давая мне раскрыть рта.

— ...Я на эту чертову телекомпанию в суд подам! — Он хватил кулаком по стеклянной стойке. Золотые рыбки бросились врассыпную, формалин с сосисками всколыхнулся. — А еще подам в суд на «Телегид». Если уж обещают в программе хоккей, то хоккей пусть и показывают. Они на мне руки нагрели и радуются, но с меня где сядешь, там и слезешь. С Эдди Браннером шутки плохи!

— Послушай! — крикнул я. — Я тоже игру не посмотрел. Может, на самом деле это меня обломали?

И я рассказал, как увидел очкарика в телевизоре, как он обратился напрямую ко мне.

— Что, правда? — спросил Эдди.

Он попросил рассказать еще раз. Тут к нам подошли его приятели Грег и Вито.

Нет, я и не ждал, что мне поверят. Скорее уж примут за психа. Кому-то, может, и прикольно общаться с дурными, но этим типам прикольно не было, ну ни капли.

— Понятно, — протянул Грег. — Сейчас проверим, в тебе ли проблема.

— Эй, разве я сказал, что это из-за меня? — попытался отмазаться я, но Вито жестом велел бармену врубить телевизор.

На экране тощие монахини подносили суп больным и убогим.

— Короче, — обратился ко мне Грег и указал на экран, — видишь?

Только я обернулся посмотреть, и он врезал мне кулаком. Я слетел с табурета — который продолжил вращаться — и рухнул под стойку, прямо на холодное битое стекло. Динамики тут же взорвались:

— ...Дополнительное время! Игра до первого гола!

Лежа на полу, я не видел экрана, зато видел старый бычок от «Винстона» и пустой пакетик из-под орешков. Потом отчетливо услышал, как комментатор крикнул: «Го-о-ол!» — и болельщики дружно взревели.

³ В соавторстве с Джей Шекли.

⁴ Речь идет о психиатрическом отделении больницы города Бельвю, очень известном в США.

ИНОЙ МАРС

Была в лагере марсианской экспедиции такая примета: если на глаза попался Бернштейн, навьючивший на себя целую гору оборудования, значит сегодня у него выходной и он идет изучать окрестности.

Экспедиция «НАСА — Марс» провела на поверхности красной планеты меньше недели. Ее участники не успели даже мало-мальски освоиться. Правда, объект исследования полностью отвечал сделанным из космоса снимкам: широкие горы, петляющие каньоны и бесконечные квадратные километры скального грунта, преимущественно покрытого слежавшейся красновато-бурой пылью. И конечно, ни капли воды, ни молекулы органики. Об этом люди знали давно, еще с полетов «Викинга» и «Маринера».

Конечно, пребывание на чужой планете — приключение крайне волнующее, особенно если это такая знаменитость, как Марс. Но все-таки грустно, что здесь нет жизни.

Бернштейн намеревался уйти еще дальше от базы, чем в прошлый раз. Конечно, он клятвенно обещал соблюдать исключительную осторожность. Начальство НАСА к одиночным походам относилось

предвзято — всякое может случиться, вдруг парень ногу сломает, и кто тогда поможет ему добраться до базы? Но эта экспедиция должна провести на Марсе год, а в замкнутом пространстве человеческие отношения имеют свойство портиться. Необходима возможность уединиться и отдохнуть от остальных.

На прошлой неделе Бернстейн обнаружил любопытное место и теперь намеревался изучить его получше. Здешние геологические формации несколько отличались от вездесущих нагромождений скальных обломков и экструзивных образований.

Вот он достиг точки, с которой повернул обратно в прошлый раз, — она отмечена лоскутом синей ткани. Больше ничего синего в округе нет, можно и не высматривать.

Космический скафандр согревал его, а самое главное, позволял выживать. Запаса кислорода в баллонах вполне достаточно на дорогу туда и обратно. Не менее надежны и обогреватели. Вот прямо сейчас датчик показывает температуру минус двадцать пять по Цельсию. Судя по шкале другого прибора, скорость ветра около двадцати пяти километров в час. Здешний ветер имеет привычку разгоняться до ста километров, для него и триста не предел. И он всегда несет тончайший красно-бурый песок. Не будь на Бернштейне скафандра, с него бы содрало всю кожу.

Бернстейн миновал оставленную в прошлый раз метку и пошел дальше, почти строго на юг, сверяясь с компасом. Все увиденное по пути он старался хорошенько запоминать. С полчаса продвигался по

каменным полям, а потом заметил впереди нечто необычное — две высокие скалы, соприкасающиеся верхушками. Этакая грубая арка, будто на скорую руку сработанная. Бернштейн направился к ней и остановился вблизи.

Правая скала в высоту была футов двадцать, левая — пятнадцать, и стояла она в наклон и чуть соприкасалась с соседкой. Это природное образование заметно отличалось от других: оно было посветлее, с преобладанием желтого цвета.

Бернштейн шагнул в арку и сразу испытал странное ощущение, как будто слабый электрический ток прошел по телу. Но это, конечно, просто игра воображения. Каменные арки не собирают электрический заряд, да и скафандр надежно защищает от любых внешних воздействий.

Сразу за аркой картина изменилась. Усеянная скалами, изрезанная глубокими оврагами местность уступила возвышенной равнине с низкими покатыми холмами. Горизонт основательно отодвинулся. Плавные формы холмов радовали глаз, да и ветер дул не так сильно. Бернштейн решил пройти еще немного вперед.

А ветер все слабел, в насыщенной песком атмосфере образовался приличный просвет. Бернштейн продвигался вдоль извилистого кряжа, постепенно забирая все выше. На самом верху остановился и посмотрел вниз. Он находился у кромки равнины, и это казалось странным, вроде на картах ничего подобного нет. Впрочем, Марс велик, и даже этот

крошечный его участок, отведенный экспедиции, не был тщательно закартирован.

Оттого, что сошел пылевой туман, стало светлее; Бернштейн мог теперь подробно разглядеть рельеф на изрядном расстоянии. Одно место показалось ему особенно интересным.

Настроив на максимальное увеличение визор шлема, он увидел... город! Да еще какой! Высокие стройные здания цвета слоновой кости, иные с хрустальными башенками, иные с куполами и минаретами.

А вон там к городу подходит дорога. И до чего же она необычная! Кажется, тоже сделана из хрусталя, с голубоватыми оттенками.

Чуть позже он сообразил: это же вода!

Но такого просто не может быть.

Такого просто не может быть — но он видит перед собой марсианский канал, а за каналом марсианский город.

Марсианских каналов не существует в природе. Давно доказано, что Скиапарелли и Лоуэлл ошибались. Полученные в 1970-х с помощью «Викинга» фотографии не оставляют места сомнениям: нет на этой планете ни каналов, ни похожих на каналы геоморфологических образований. И нет воды, то бишь оксида водорода в жидком агрегатном состоянии. Есть небольшие количества льда на полярных шапках — отсюда планы растапливать его для нужд экспедиций. Но это когда еще будет. А пока жидкую воду можно найти только в

одном месте — на базе «НАСА — Марс». Примерно три четверти груза, доставленного сюда ракетами, — вода.

И все же факт остается фактом: Бернштейн видит перед собой нечто очень похожее на воду. Нечто прозрачное, синевато-зеленоватое, блестящее. Ну точь-в-точь настоящая вода.

Необходимо подойти и проверить.

Первым побуждением было радировать на базу об открытии. Но он вовремя одумался. Нет и не может быть на Марсе никакой воды. Его доклад сочтут идиотским розыгрышем и попросят доставить образец. И если канал окажется иллюзией, стыда не оберешься.

Нет, прежде чем сообщать товарищам о сенсации, он должен изучить явление. Конечно же, канал — галлюцинация, марсианская разновидность миража. Развеется, как только к нему приблизится человек.

Бернштейн пересек безумную мозаику из валунов величиной с дом и снова вышел на открытое место. Вода теперь была ближе. На время канал пропал из виду, а потом открылся вновь — прямой как стрела, с какими-то длинными ветвистыми штуковинами пообочь. Деревья? Не может быть на Марсе деревьев, как не может быть на Марсе воды... А эти вроде без листьев. Окаменелости? Не важно. Деревья на Марсе не росли никогда.

Он продолжил путь, и местность снова пошла под уклон. Впереди новая возвышенность; перевалив через нее, он окажется у канала. И невдалеке от

города.

Готов ли он к этому?

С минуту Бернстейн простоял в нерешительности. Еще можно повернуть назад, пройти сквозь арку, возвратиться в лагерь.

Можно даже забыть об увиденном.

Но оно дивным образом манило. И было у Бернстейна такое чувство, что, если вот сейчас отступится, если заставит себя не верить, — получится, что и не было вовсе ничего. Марс останется таким, каким был до выхода исследователя из лагеря, — пыльным, стерильным, безвоздушным.

Без аномалий и странностей.

Как ни велик был соблазн пойти назад, Бернстейн ему не поддался. Да разве получилось бы внушить себе, будто ничего не было? Неутоленное любопытство просто житья ему не даст.

Надо идти вперед и выяснять.

По отлогому склону он спустился до косогора, за которым лежал канал. Оскальзываясь на щебенчато-песчаном грунте, добрался до верха. И теперь канал прямо перед ним, манит блеском чистой воды. Его берега выложены большими каменными плитами.

Все это видно как на ладони — и все это совершенно невероятно.

Но вот же он, канал. И то, что бежит по нему, кажется самой настоящей водой.

Бернстейну сроду не случалось так изумляться. В подобных ситуациях нужно время, чтобы прийти в себя. А как раз времени-то у него и не было. Потому

что уже в следующий момент пришлось изумляться снова, на этот раз при виде сидящей на берегу четверки.

Выглядели они как люди. Причем как земляне. Да и кто еще может тут находиться, кроме землян? Они предавались блаженному ничегонеделанью на берегу марсианского канала, болтая ногами в его воде.

«Это вы зря, — подумал Бернстейн. — А еще хуже, что на вас нет шлемов».

Но ведь как-то они ухитряются выживать в безвоздушной среде, под жгучим ультрафиолетом, от которого здесь не защищает озоновый слой.

Или это все морок, или Бернстейн сошел с ума.

Если ты допускаешь, что сошел с ума, не следует ли из этого, что мозги у тебя в порядке?

И как надо поступать, когда один из фрагментов твоей галлюцинации вдруг оборачивается, смотрит на тебя и говорит приятелям:

— Гляньте-ка, парни, кто у нас тут!

Повернулись и остальные. С живейшим интересом и без малейшей настороженности рассмотрели Бернстейна.

— Он не из нашей экспедиции.

— Тогда из чьей же?

— Может, китайская ракета долетела раньше, чем мы рассчитывали?

— На китайца вроде не похож.

— Парень, ты говорить-то хоть умеешь? — спросил один из четверки.

— Конечно, я умею говорить. — Бернстейн не узнал

собственный голос, прошедший через усилитель скафандра.

— Американец, но добирался на китайской ракете? — предположил второй и обратился к Бернштейну: — Ну что, Чарли, я угадал? Ты с китайского корабля? Или русские наконец отправили свой?

— Прошу не называть меня Чарли, — твердо потребовал Бернштейн. — Я Джошуа Бернштейн, участник первой экспедиции «НАСА — Марс».

— Что еще за НАСА такая?

— Национальное космическое агентство, — объяснил Бернштейн.

— Никогда о таком не слышал, — сказал тот, кто заметил его первым. — А впрочем, от нас многое скрывали. Не важно. Добро пожаловать на Марс, Джошуа Бернштейн. Мне все равно, как ты сюда попал, но космическую одежду можешь снять, она уже без надобности, что бы тебе ни наплели про здешние условия. Воздух, правда, чуток разреженный, но лишний вздох вполне решает проблему.

— Как насчет солнечной радиации? — спросил Бернштейн.

— Да пустяки! Эта планета — просто лапочка, мы тут как в раю. Расслабься, путник. Посиди с нами, хлебни пивка. Сбрось скафандр, поплавай в канале. А серебрянок не бойся, они не кусаются.

Глянув с края канала в синеватую мглу, Бернштейн заметил юркие блестящие силуэты. Золотые рыбки? Нет, серебрянки. Этого опять же быть не может, ведь серебрянка — не рыба, а паукообразное, водяной паук.

Но вот они, перед глазами, эти рыбки-пауки, как и эти парни с Земли, что балдеют на берегу несуществующего марсианского канала, дышат несуществующим марсианским воздухом, загорают под смертельным ультрафиолетом и потешаются над Бернштейном, зеленым новичком, который боится даже шлем снять.

Когда у тебя галлюцинация и отогнать ее ты не в силах, остается только расслабиться и получать удовольствие.

Рассудив таким образом, Бернштейн снял шлем. Он двигался будто во сне и был готов в любой момент свалиться замертво, но, слава богу, обошлось. Воздух, как его и предупреждали, оказался разреженным, но для дыхания вполне годился.

— И много вас тут? — поинтересовался Бернштейн.

— Кроме нас четверых, еще десятка два на базе по ту сторону Марс-Сити. Это в двадцати милях. — Говоривший ткнул большим пальцем влево.

В той стороне, за мерцающими песками, Бернштейн снова увидел белый город со шпилями и куполами.

— Марсианский город? — спросил он, стараясь не выдавать волнения.

— Ага, — ответил первый из отвечавших. — Самый настоящий, один из старейших. Марсиан там нынче раз-два и обчелся. Но бывают ночи, когда с определенного направления дует ветер, причем с определенной скоростью... — Он понизил голос, взяв таинственный тон. — И в такую ночь можно услышать, как они поют. Древние марсиане в

металлических масках и длинных балахонах...

Остальные засмеялись.

— Вот же выдумщик! Не верь ему, Джош. Тут нет никаких признаков, хотя, по слухам, вон в тех горах живет несколько марсиан. — Говоривший указал на невысокую синеватую гряду левее барханов.

Все это было невероятно... и притом отчего-то казалось знакомым. Бернстейн порылся в памяти.

И вдруг он понял, кто эти люди.

— Вот что, ребята, — сказал он, — чертовски приятно было с вами поболтать, но мне пора возвращаться на базу. Хотелось бы узнать ваши имена, исключительно для отчета.

— Я капитан Джон Блэк, — сказал первый. — Это наш штурман Люстиг. А вон тот парень с умной физиономией — Сэмюэль Хинкстон, он в нашей экспедиции археолог.

— Рад с вами познакомиться, — сказал Бернстейн. — Вы ведь из Огайо вылетали, если не ошибаюсь?

— Эх, Огайо, родной край, — вздохнул Блэк.

— Прекрасный Огайо, — вторил ему Люстиг.

— До скорой встречи, — попрощался Бернстейн и пустился в обратный путь.

Да, он знал, с кем ему довелось встретиться. Знал, но не хотел в это верить.

Возвратясь в лагерь, Бернстейн долго думал, как рассказать коллегам об увиденном. «Друзья мои, представляете, в какой-то жалкой паре миль отсюда лежит совершенно иной Марс! С воздухом, водой и городами! И там расположилась еще одна экспедиция,

она прилетела на ракете из Огайо. Пойдемте со мной, сами все увидите».

Его посадят под замок и при первой же возможности отправят на Землю. Не стоит хвастаться своими открытиями. Рановато. Сначала нужно добыть доказательства — как для товарищей, так и для себя самого.

И только теперь Бернстейн спохватился: как же это ему за все время пребывания на «ином Марсе» не пришло в голову запастись самым малейшим материальным подтверждением увиденного?

А с другой стороны, какому подтверждению здесь поверили бы? «Вот этот камешек я подобрал на берегу большого марсианского канала». Чепуха... Нет, что-либо доказать можно только при помощи фотоаппарата. Его-то завтра Бернстейн и прихватит с собой, когда снова выйдет за пределы лагеря.

Может, взять кого-нибудь в спутники? Свидетельство второго очевидца будет весомым...

Заманчивая идея. Но Бернстейн слишком плохо знает остальных участников экспедиции, не успел ни с кем хоть немножко сдружиться. Они все из Калифорнии, а он, с дипломом Массачусетского технологического, тут белая ворона. Какие надо привести аргументы, чтобы кто-нибудь согласился пойти? «Я там кое-что увидел, и надо бы проверить, но боюсь, это была всего лишь галлюцинация; в общем, если тебе нечем больше заняться, давай прогуляемся...»

Будет очень странно, если найдутся желающие.

А самый последний эпизод путешествия как объяснить? За пределами лагеря Бернштейн встретился с людьми, и это уже само по себе странно. Но еще более странно, что эти люди — персонажи когда-то прочитанной им книги. И загорающие у канала земляне, и обитаемый Марс придуманы Рэем Брэдбери! Это все из «Марсианских хроник»!

Надо идти в одиночку. Судя по всему, у него была случайная галлюцинация, она более не повторится. Вероятно, он даже каменную арку не найдет, уже не говоря об «ином Марсе». Миража просто не окажется на прежнем месте.

Что ж, так даже лучше — жизнь вернется в нормальную колею. Пускай чудеса останутся в памяти, зато Бернштейну не придется изводить себя сомнениями и навлекать на свою голову неприятности, утверждая, будто он видел то, чего не может быть.

Этот вечер ему показался необыкновенно долгим. Сначала он думал, что не уснет, но наконец провалился в тревожный сон.

Утро пришло внезапно. Бернштейн облачился в скафандр, проверил и зарядил фотоаппарат и вышел.

На границе лагеря его окликнул коллега:

— Эй, Бернштейн, ты куда собрался?

— Вчера нашел интересный скальный массив, хочу прогуляться к нему и осмотреть хорошенько.

— Слишком далеко от базы не ходи.

— Не волнуйся.

Если бы только знали коллеги, как далеко он

намерен зайти в этот раз!

Камни, мимо которых шел Бернштейн, не казались знакомыми. А впрочем, с чего бы им казаться — не мог же он запомнить точную форму и местонахождение каждого из них. Главное — найти скальную арку. Этот ориентир Бернштейн узнает безошибочно, да и идти до него недалеко.

Где же она? Как сквозь землю провалилась...

Когда он уже почти отчаялся, арка вдруг очутилась прямо перед ним.

Бернштейн прошел через нее и двинулся дальше, дивясь непривычной местности. Это даже раздражало слегка — вчера надо было получше запоминать ориентиры. Или пользоваться портативным диктофоном — он всегда при скафандре, в кармашке на молнии.

Исследователь шел будто во сне — да он и был уверен, что все это ему снится. Путь лежал по дну петляющего ущелья, по бокам вздымались крутые стены. В этом каменном лабиринте Бернштейн вскоре заблудился напрочь. Оставалось только идти вперед.

Бернштейн съежился от испуга, едва не наткнувшись на крупного варана, который потирал сухие когтистые лапы и стрелял языком.

Он поспешил убраться с пути человека, а тот не сразу вспомнил, что на этой планете нет жизни — откуда же взялась ящерица? Бернштейн поискал ее взглядом — будто сгнула. Опять морок?

Но вот он достиг конца ущелья. Продвигаясь с предельной осторожностью, Бернштейн услышал

звонкий, как колокольчик, смех.

Он резко и неловко повернулся, забыв про слабую гравитацию, и едва удержался на ногах — да и не удержался бы, если бы стоявшая рядом женщина не поддержала его.

— О небеса! — воскликнула она. — Кто ты?

Незнакомка была деликатного сложения, ростом невысока, золотоволосая, в платье из чего-то по виду схожего с металлом, мерцающего, в движении меняющего цвета. Прелестными чертами лица женщина напоминала фею. И уж точно эта красавица не принадлежала к человеческому роду. У Бернштейна затряслись руки, когда он понял: это марсианка, она просто не может быть никем иным.

Не дождавшись ответа, женщина отвернулась и окинула взглядом горизонт. Она как будто вовсе забыла о Бернштейне, а тот не мог понять, в чем дело, пока не увидел выражение ее лица. Марсианка казалась зачарованной, мечтательные фиалковые глаза были устремлены вдаль. И она очень тихо напевала чистым, нежным, мелодичным голосом. Бернштейн прислушался и через некоторое время разобрал слова:

— Глазами тост произнеси, и я отвечу взглядом...

Старинная песня — ее пела Илла в рассказе Брэдбери.

— Илла? — произнес Бернштейн.

Марсианка повернулась к нему — и как будто только сейчас всерьез восприняла его присутствие.

— Ты космонавт с Земли?

— Да, Илла.

Женщина присмотрелась к нему.

— Не вижу твоего лица, — сказала она.

Бернстейн смело, как накануне, снял шлем.

— Чем же ты так опечален? — спросила женщина.

Бернстейну и невдомек было, что его расстроенные чувства столь явственно отражаются на лице.

— Тебя никто не ждет на родной планете?

— Да, никто меня не ждет...

— Быть может, посчастливится найти красивую девушку здесь, на Марсе.

Бернстейн понял, что это царство невероятного, волшебного затягивает его в себя. И постарался сосредоточиться.

— У меня проблема, — проговорил он. — Не знаю, как рассказать прилетевшим со мной людям о тебе. И о других землянах, которых я повстречал тут вчера. О канале, о городе. Это не укладывается в нашу модель мироздания, понимаешь? С реальностью нашей не вяжется.

— Грустно это слышать, — сказала марсианка.

— В моем мире, — продолжал Бернстейн, — даже вот этот разговор, что мы с тобой ведем, был бы немислим. В моем мире... в настоящем мире Марс — просто мертвый камень, присыпанный песком.

— Твой мир просто ужасен! — воскликнула Илла.
— С него надо бежать сломя голову.

— Я и сам об этом подумывал, — вздохнул Бернстейн.

Он вспомнил, как в рассказе Брэдбери Илле грезилась встреча с капитаном Блэком еще до того,

как тот прилетел на самом деле, и как они беседовали в ее снах, и как он обещал увезти ее с собой и показать Землю. Об этом прознал Илл, муж Иллы, и пришел в бешенство. Он запретил жене идти в Зеленую долину, где должна была состояться напророченная ею посадка корабля. Прихватив ружье, Илл пошел туда сам. И было совершенно ясно, что он убьет Йорка.

— Йорк еще не прилетел, — сказал марсианке Бернстейн. — Ты ведь знаешь, как намерен поступить с ним твой муж?

— Да, знаю, — ответила Илла. — И это меня очень пугает. Но, быть может, на этот раз все получится по-другому.

— Где сейчас Илл?

— Пошел охотиться в Зеленую долину.

— Но ведь Йорк именно в этой долине посадит свой корабль.

— Думаю, да, — кивнула Илла. — Но теперь уже мне ясно, что сон не сбудется. Ведь сюда прилетел твой корабль, а не Йорка.

— Верно, — подтвердил Бернстейн.

— Какая-то великая тайна связана с тобой и с твоими спутниками. Но где же Йорк?

— Не знаю.

Вдали он увидел крошечный силуэт — кто-то медленно брел по равнине. Илл, кто же еще. У него на плече серебристое ружье с колоколообразным дулом. С такого расстояния не увидишь, если он выстрелит в кого-нибудь.

Пора уходить, решил Бернстейн.

— До свиданья, Илла. Надеюсь, мы еще увидимся.

Он повернулся, но марсианка уже исчезла. Только сейчас Бернстейн спохватился, что не сфотографировал ее.

Значит, рано возвращаться, надо шагать дальше. Отыскать канал, вдоль него пройти к увиденному вчера марсианскому городу. Если получится сделать там снимки, он докажет...

Докажет ли?

Вот показались далекие шпили. Бернстейн продвигался вперед размеренным шагом, а дома и башни увеличивались, прорисовывались все четче. Сказочный пустынный град, открытый непрестанно вздыхающим ветрам. А перед ним — длинный канал. Ощущалась влажность, как будто дело шло к дождю.

Настоящий ли это Марс? А почему бы и нет? С какой стати его прежний вариант должен быть жизнеспособнее и реалистичнее этого нового? Разве это не грех гордыни, не интеллектуальное высокомерие — требовать, чтобы Вселенная соответствовала твоим представлениям о ней? С какой стати Марс должен был оказаться именно таким, каким его рисуют себе жители Земли?

Город был окружен стеной, но в ней Бернстейн углядел ворота, через которые и вошел. И за стеной ему открылся поистине волшебный уголок с длинными тонкими башнями, хрустальными шпилями, позлащенными колоннами. Мраморные стены покрыты резьбой, в ней угадываются дивные существа, возможно боги никогда не существовавшего

мира. В зачарованном этом городе Бернстейн сидел прямо на мостовой и не знал, смеяться ему или плакать.

А потом из-за угла вышел марсианин и сел рядом с ним.

— Что-нибудь не так? — спросил марсианин.

— Здесь творятся очень и очень странные вещи, — ответил Бернстейн. — Это не мой Марс.

— Вот и мне не по себе, — признался марсианин. — Этот Марс и не мой тоже.

— Чей же он тогда?

— Вероятно, новый вариант... следующий в очереди.

— Как такое может быть?

— Чего не знаю, того не знаю, — вздохнул марсианин. — С подобными вопросами, пожалуй, тебе следует обратиться к господину Ксиксу.

Марсианин встал и побрел своей дорогой. Бернстейн заставил себя подняться на ноги. Надо с кем-нибудь поговорить. С тем, кто хоть что-то понимает в происходящем.

Он шагал по тихим улицам меж высокими, старинными, диковинными для глаз землянина домами. Некоторое время спустя Бернстейн заметил другого пешехода. Это тоже был марсианин, но гораздо старше первого.

— Вы, должно быть, господин Ксикс, — предположил Бернстейн.

— Ну а кто же еще? — остановился Ксикс. — А вы один из них?

— Из них — это из кого?

— Из землян. Они тут появлялись однажды, а куда делись, нам неизвестно.

— Это люди из рассказа, — ответил Бернстейн. — Из истории, которой на самом деле никогда не было.

— А... Ну тогда понятно. Видите ли, если бы это случилось на самом деле, возможно, пришел бы конец всему. Но поскольку все было вымыслом, за судьбу мира можно не опасаться.

— Вы хотите сказать, эта цивилизация-греза существует на самом деле?

— Конечно.

— Подождите здесь, пока я сообщу об этом остальным.

— Остальным — это кому?

— Экспедиции НАСА, с которой я сюда прибыл. Знаете ли, на нашем Марсе дышать нечем, а стужа там царит лютая.

— Грустно это слышать, — сказал Ксикс.

— Почему?

— Потому что две модели мироздания, ваш Марс и наш Марс, сосуществовать не могут. Слишком много аномалий, слишком большая разница между законами природы, на которые эти миры опираются.

— И что же будет?

— Трудно сказать, — пожал плечами Ксикс.

И тут Бернстейн вспомнил о фотоаппарате. Он положил шлем на мостовую и вынул из скафандра камеру.

— Что это? — спросил Ксикс.

— Фотоаппарат, — ответил Бернстейн. — Он моментально зарисовывает то, на что направлен. Картинки можно потом проявить, и они послужат доказательством увиденного мной.

— Вы уже делали здесь такие картинки?

— Нет, но собираюсь начать с вас.

— Я бы не советовал, — озабоченным тоном произнес Ксикс.

— Это абсолютно безопасно, — улыбнулся Бернстейн. — Никакого вреда фотоаппарат вам не причинит.

— Я не за себя беспокоюсь, — пояснил Ксикс. — Под угрозой может оказаться тот, кто рисует, а не тот, кого рисуют.

— Что за чепуха! Надеюсь, вы не попыаете меня остановить.

— Вот еще. Я всего лишь дал совет, для вашей же пользы. Поступайте, как сочтете нужным.

И марсианин пошел прочь.

Бернстейн нерешительно поднял камеру, сфокусировал объектив на удаляющемся марсианине, но не посмел нажать на кнопку. Повел видеоискателем по окружающим домам. И опустил фотоаппарат.

А ведь это очень важный момент — момент истины для человеческой истории. Бернстейн это чувствовал. Если он не сделает снимки сейчас, когда есть такая возможность, то все останется грезой, видением. Очередной загадочной сказкой, каких люди насочиняли тысячи.

Но если он вернется не с пустыми руками... Воз-

можно, наличие доказательств существования этого мира утвердит сам факт его существования.

Бернштейн медлил. Ведь нельзя исключать, что, если он зафиксирует этот новый мир, его родной мир исчезнет.

Об этом даже думать не хотелось.

Бернштейн поднял камеру и сфотографировал улицу, на которой стоял. Сделал он это с содроганием, но ничего не произошло. Он снял еще несколько видов.

А потом услышал шум и резко повернулся.

По мостовой шел человек и катил широкую тележку. Это был землянин, но почему-то в белом фартуке и соломенной шляпе. Тележка была разрисована в яркую красно-зеленую полоску.

Землянин что-то выкрикивал на ходу. Когда он приблизился, Бернштейн разобрал: «Горяченькие! Остренькие!»

Продавец сосисок!

— Здравствуй, — сказал уличный торговец. — Я Сэм. А где остальные?

— Ты о ком?

— О тех, кто бежал с Земли. О последних переселенцах.

— Ничего не понимаю... Кому и зачем понадобилось бежать с Земли?

— Приятель, да ты в себе ли? — с изумлением спросил Сэм. — Неужто не знаешь, какая беда стряслась с нашей несчастной родиной?

— О чем вы, черт бы вас побрал?!

— Атомные бомбы. Цепная реакция. Погибла вся

планета.

— Погодите-ка, — проговорил Бернстейн, — такого просто не может быть. В моем мире была холодная война, но она закончилась, больше никто никому не угрожает атомными бомбами. Ядерный апокалипсис — это просто фантастика.

— Если бы так! Именно он и случился.

Для Бернстейна это было уже слишком. Он попятился от Сэма, повернулся и побежал.

Он мчался по улицам древнего города, потом по равнине. Выбиваясь из сил, пересек каменистую пустыню.

А ведь такой итог можно было предвидеть. Он описан Брэдли в рассказе «Будет ласковый дождь».

Наверное, уже не осталось времени, чтобы предотвратить гибель собственного мира.

Едва не падая от изнеможения, Бернстейн добрался до каменной арки. Вернее, до того места, где она стояла раньше. На груде камней сидели двое. Марсианка и землянин.

Бернстейн узнал Иллу. Мужчину он прежде не видел, но догадался, что это капитан Йорк.

— Что случилось с аркой? — спросил Бернстейн.

— Я ее снес, — ответил Йорк. — Илла мне помогала.

— Но зачем?

— Чтобы не допустить существования твоего мира.

Бернстейн присел на камень рядом с Йорком и Иллой. На голове у него не было шлема — верно, остался в городе. Похоже, он больше и не

понадобится.

— Так что же, мой мир исчез?

— Его и не было никогда, — ответил Йорк. — Я об этом позаботился.

— Нет, он существовал!

— Как бесплотная фантазия, не более того. Если честно, невелика потеря. По словам Иллы, твой мир был не из самых достойных.

— Это был отличный мир! — возразил Бернстейн.

— Но несовместимый с этим, — сказал Йорк. — Я бы не хотел жить в такой Вселенной, где на Марсе нет воздуха и воды. Тогда бы здесь не было Иллы! И меня тоже.

— Понятно, — проговорил Бернстейн. — Очевидно, здесь выживают наиболее приспособленные галлюцинации.

— Похоже на то, — согласился Йорк, обнимая Иллу за плечи.

Он выглядел очень довольным собой.

— А как насчет остальных ребят? — спросил Бернстейн. — Как насчет моей экспедиции?

— Что за ребята? Что за экспедиция?

Бернстейн на миг лишился дара речи.

— У тебя будет достаточно времени, чтобы во всем разобраться, — пообещал Йорк. — А сейчас давай прогуляемся к большому каналу.

— Зачем?

— Просто посидим у воды, — ответил Йорк.

— На свое отражение посмотрим, — добавила Илла.

— И пивка хлебнем? — спросил Бернстейн.

Йорк улыбнулся.

Вместе с Йорком и Иллой Бернстейн вернулся в марсианский город. Он собирался пить пиво и бросать пустые бутылки в марсианский канал.

Бернстейн старался не думать о том, чем он будет заниматься после.

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Долгое время оно сознавало, только не самое себя. Просто сознавало... Вокруг не было ничего, что можно было бы осознать, но оно этого не сознавало. Осознание наполняло его, как воздух наполняет воздушный шар. Осознание являлось частью его сущности, хотя оно этого не сознавало. У него не возникало суждений — время для суждений наступит позже.

В данный момент одного лишь осознания было достаточно. Впоследствии, став чем-то более определенным, изведав роскошь воспоминаний, оно мысленно возвратилось к этому первоначальному состоянию. Вспомнило о своем пребывании в этом месте, абсолютно лишенном красок. Вспышки света здесь иногда случались, а вот цветов не было никаких. Они появились позже. И даже мысли о цветах, которые появятся позже, приблизили их появление.

Но оно не было в этом уверено. Вещи, когда оно о них думало, почему-то менялись. Сначала не было ничего, потом появились мысли, а уж после — то, о чем можно думать. Впоследствии же казалось, будто то, о чем можно думать, появилось вперед. Ничего подобного. Сначала не было ничего, потом появились

мысли, а уж после — то, о чем можно думать.

А поскольку не было ничего, о чем можно думать, то и мысли были незамысловатые. Оно даже не осмыслило категории *истина—ложь* или понятия *плохо—хорошо*. Это наступит позже. Понятия *хорошо—плохо* должны быть у каждой расы, даже новорожденной. Но оно относилось к расе еще не родившейся. И естественно, это отчасти замедляло его развитие.

И все же время перед рождением можно было назвать идиллическим. Жизнь была очень легкой, да и сравнивать ее было не с чем. Возможно, это была и не жизнь вовсе, поскольку с ним ничего не происходило, ничего на физическом уровне еще не происходило. Время для этого наступит позже. Но что оно должно было думать о времени, пока еще не перешло на физический уровень? Являлось ли это жизнью? Или правильнее называть это протожизнью? Ответа оно не знало, хотя и понимало опасность вопроса. Опасность исходила не столько от вопроса, сколько от целой группы вопросов. Вопросы создали мир, а ответы были как ручные собачки, готовые на все, лишь бы угодить. Какое мрачное соображение! Но, к счастью, думать еще было не обязательно. Пока оно пребывало в безмятежности протомыслительной фазы развития. Чувствовало — да, и думало — вроде того, но не размышляло о своих мыслях. Именно так оно и будет воспринимать ситуацию позже. Но сейчас даже протомысли были новинкой и требовали усилий. Их хватило, чтобы понять: кое-что изменилось, как

только появилось сознание. Что-то началось. Не должно было, но началось. И оно было радо, что присутствует при таком важном моменте.

Еще оно заметило, что не идентифицирует себя больше как «оно», а скорее как «он» — однополое существо, приходящее в мир, в котором может быть больше одного пола. Это проистекало из факта его существования. Ну, по крайней мере, он так думал, что проистекало.

Возможно, конечно, его принадлежность к определенному полу («он») не означала вообще ничего. Голый факт, и ничего более. Данность, как любил говорить он. Но почему-то он так не считал. Если бы существовал только один пол, к чему тогда вообще иметь пол? Какой смысл в существовании только одного пола?

Хотя он задавал себе эти вопросы в полном одиночестве, ему казалось, что скоро появятся и другие. И некоторые из них будут отличаться от него полом. Как много полов будет вообще? Ему явилось великое видение. Возможно, полов будет столько, сколько будет индивидуальных особей, способных размышлять об этом вопросе. Видение было потрясающим, но он засомневался, что вопрос будет решен настолько эффектно. Вряд ли, даже если он займется всем этим сам.

Но какова идея! Ведь знание о том, что у него есть пол, подразумевало и то, что он способен спариваться — когда будет с кем. Спаривание казалось крайне необходимой вещью. Как он заметил, стоило ему

задуматься о различии полов, как тут же мысли обращались к спариванию. Но так как обсудить эту тему было не с кем, то он решил принять спаривание как данность. «А как бы было весело, — подумал он, — если бы существовало множество таких же, как я, но в чем-то отличающихся друг от друга, и каждый подбирал бы себе уникального партнера».

Ладно, насчет множества он не был уверен. Пожалуй, он слегка увлекся. Представьте, воображает множество! Все, чем он пока располагал, — он сам, и даже это не являлось неоспоримым фактом.

От размышлений его отвлекло нечто неожиданное, и это неожиданное пришло извне. Он удивился. До сих пор у него ни разу не возникало мысли о существовании «вовне». Хотя оно и подразумевается само собой. Он с удовольствием бы потратил некоторое время на переваривание новой концепции «вовне» (а также производных от нее) и неизбежно сопутствующей ей «внутри». Но он не мог сейчас отвлечься на «внутри» и «вовне», поскольку произошло что-то неожиданное, и это что-то требовало к себе внимания.

На самом деле он не хотел рассматривать это что-то. Ему вполне хватало мыслей о себе самом. Он не желал казаться эгоистичным — хотя кому какое дело, ведь вокруг нет никого, кого бы это могло задеть. Но ему необходимо разобраться в себе. В конце концов, он — единственный, кто способен понимать хоть что-то.

Он увидел, что не может заниматься этим прямо

сейчас. Потому что неожиданное событие, вторжение «извне» (и это понятие, которое все равно придется исследовать рано или поздно), требовало внимания самым решительным образом.

Первое, на что он обратил внимание: вторжение происходило в его пространство. Это была простая, но почти невообразимая вещь, которая произошла от одного неотмеченного момента к другому в непрерывном потоке времени или чего бы то ни было.

Его рассердило, что теперь он должен рассматривать еще и «время». Без него было гораздо проще.

— Иногда кажется, что есть только я, — сказал Арчи, — а все остальное мне только снится.

— Да, конечно, — согласилась Джейн. — Иногда я думаю так же.

— Но мне могло бы сниться, что ты говоришь это.

— Так или иначе, это недоказуемо, — пожала плечами Джейн.

— Трудно не согласиться. Тебе не кажется, что мы уже давно не проверяли инкубатор?

— Давай заглянем в смотровой люк.

Они вошли в инкубационную комнату — помещение с белыми стенами и разнообразными предметами обстановки. Единственным любопытным предметом в комнате был объемистый цилиндр, конусообразный с торцов, сделанный из какого-то блестящего металла, похожего на нержавеющей сталь. Цилиндр лежал в открытой ажурной коляске,

выполненной из того же металла, что и цилиндр, но не отполированного до такого же блеска. Последнее творение профессора Карпентера, по завершении которого он присоединился к остальным.

— Никак не могу понять, почему профессор ушел тотчас же, как только закончил уловитель душ, — задумчиво произнесла Джейн.

— Это не уловитель душ, — возразил Арчи.

— Конечноуловитель. Самый настоящий. И если наши надежды оправдались, цилиндр Карпентера поймал душу какой-нибудь новой формы жизни.

— Возможно, все это мы видим во сне, — снова сказал Арчи. — А мир, настоящий мир на самом деле устроен иначе.

— Как можешь ты говорить о мироустройстве? Вспомни, что случилось только в течение нашей жизни. Долгое время все шло своим чередом, а потом — раз, и все кончилось. Ты помнишь, что почувствовал, когда это случилось?

— Это было очень давно. И теперь надолго.

Джейн кивнула:

— Кто бы мог подумать, что мы с тобой станем последними людьми на Земле?

— Это потому, что мы попали в проект Карпентера. Мы добровольно вызвались остаться, помнишь?

— Конечно помню. Но я не думала, что для рождения нового существа потребуется столько времени.

— Прогнозы редко сбываются на сто процентов, — сказал Арчи. — Никто не знает, сколько нужно

времени, чтобы новая раса из потенциальной возможности превратилась в реальность.

— По-моему, времени прошло достаточно, — сказала Джейн. — Давай заглянем в инкубатор.

— Нельзя. Карпентер допускал, что это повлияет на результат.

— Тогда для чего он сделал смотровой люк?

— Ну, может, этого требовала техника безопасности, — неуверенно предположил Арчи.

— Не говори чепухи. Эх, к черту Гейзенберга, давай заглянем.

Они повернулись к цилиндру и заглянули через смотровой люк. Внутри что-то было. Потом дверца цилиндра распахнулась, и они увидели новое существо.

Существо было настолько новым, что даже не имело названия. Это было довольно странно, потому что имена обычно появляются за некоторое время до появления новорожденных. Однако не в данном случае. Наступил момент замешательства, когда троица посмотрела друг на друга. Замешательство продолжало нарастать, поскольку новое создание не обладало органами зрения — в них не было необходимости до рождения. Отсутствие зрения ставило его в невыгодное положение по отношению к людям, имевшим возможность сколь угодно долго рассматривать существо, и это не могло не сказаться на его форме, его комплектации, его манере двигаться и, больше всего, на его поведении. А новое существо не могло ответить людям той же монетой. Оно знало,

что они рядом, но, черт побери, оно не могло их видеть.

— Глаза! — крикнуло существо. — Мне нужны глаза!

— Успокойся, — отозвался Арчи. — Пока еще рано.

— Это не займет много времени, — сказала существо.

И оно сделало то, что позже назовет усилием. Раздался хлопок — первый произведенный им звук! — и вот оно уже обладает глазами.

Но обладает ими как-то не вполне верно. Арчи и Джейн вежливо поаплодировали, но существо знало: с глазами что-то не так. Оно видело только одно существо, а не двух, и это существо выглядело как... Тут оно запнулось. Поскольку оно не знало почти ничего, то и делать сравнение ему было не с чем, — таким образом, искусство метафоры было ему недоступно. А хуже всего, что у него в запасе не было даже прилагательных! Джейн нашептала ему некоторые, и оно испытало чувство благодарности.

— Ты бы мог сказать, что ты некоторым образом - студенистый. Имеешь форму перевернутого яблочного пирога или приплюснутой кривой распределения. Ты обладаешь массой и душой. Наружный слой напоминает протоплазму: течет, но не как плоть. Твой внешний вид — кристаллообразный, что, вероятно, соответствует природе твоей реальности. Ты сверкаешь, и у тебя много граней. Ты беспрерывно меняешь цвет, почти не повторяясь. Возможно, так ты мог бы общаться с другими себе

подобными.

— Какими другими? — удивилось существо.

— Ну, — сказала Джейн, — я имела в виду — потом, позже. Сейчас нет никаких других. Ты первый.

— Первый?

— Первый образец новой формы жизни. Прародитель новой расы. Что-то очень особенное. Ты должен гордиться.

— Но я ничего не сделал!

— И тем не менее ты первый представитель своего вида.

— Да, наверное, это важно. А что насчет вас? Вы двое были здесь до меня.

— О, мы не в счет, — сказал Арчи. — Ты первый в своем виде, а мы последние в своем. Сегодня самый важный день в истории твоего вида.

— То есть все начинается здесь?

— Да. Главное, понять, что все это должно где-то начаться для вас.

— Я первый! — воскликнуло существо.

— Но не последний, — добавила Джейн. — Мы объясним это позже. Главное, понять, что все это должно где-то начинаться. Сегодня это и происходит. Начало. День первый. Самый важный день в истории твоей расы, которая должна появиться. День, который вы станете праздновать, если не забудете.

— Ты сказала, я сверкаю?

— Да. Наверное, ты кристаллическая форма жизни.

— А вы нет?

— Спасибо, нет! Мы из протоплазмы, устаревшая

модель.

— Не знаю ничего о других моделях. Ведь я только что появился.

— Нам это известно, — сказал Арчи. — Не нужно забегать вперед. Рождение из небытия само по себе — важный жизненный опыт.

— Это нечто отличное от того, что я знал. Интереснее, хотя и там было неплохо.

— Расскажи, как было там.

— С удовольствием. Но прежде мне хотелось бы получить имя.

— Зачем? — удивился Арчи. — Ты же в единственном числе. Вряд ли тебя можно с кем-то спутать.

— Просто мне кажется, я буду чувствовать себя увереннее, если обзаведусь именем. Так я смогу относиться к себе как к личности, а не как к представителю вида.

— Он быстро учится, тебе не кажется? — обратился Арчи к Джейн. — Парень не промах! — Повернувшись к существу, он сказал: — Намотай на ус, что до тех пор, пока ты являешься единственным представителем вида, личность и раса в тебе слиты воедино. И каким бы ты ни был, те, что придут за тобой, будут твоим образом и подобием, хотя и не таким совершенным, как ты. Не важно, насколько несовершенен можешь быть ты, это твоя сущность, которая задает тон всему последующему.

— Это хорошо, — сказала сущность. — Но лучше, если бы это являлось результатом моих личных

заслуг, а не следствием того, что мне посчастливилось (или не посчастливилось) стать первым. Но я понимаю, что этот момент следует рассмотреть позже, когда я буду знать больше. Объясни мне, почему я не могу вас увидеть, как бы ни старался?

— Причина в твоей зрительной системе, — сказала Джейн. — Создавая ее, ты, конечно, постарался на славу, вот только построил задом наперед. Сейчас она сориентирована так, что ты видишь только себя.

Существо ощутило неловкость. Еще одно понятие, в котором он обязательно разберется, как только появится возможность!

Пока же он сказал:

— На самом деле мне нравится смотреть на себя. Однако из вежливости, я думаю, мне следует перенаправить зрение.

И существо перенаправило зрение, потеряв при этом себя из виду. Это было печально, потому что так приятно смотреть на что-то блестящее. Два существа, которых он увидел, не блестели.

— Можно просто звать тебя Адамом, — предложил Арчи. — Как-никак ты первый.

— Это имя что-нибудь значит? — спросил Адам.

— Ох, я и забыл. Разумеется, ты ничего не знаешь про настоящего Адама. Он был первым человеком на Земле. Это хорошее имя и тебе подходит.

— Но оно не может быть моим настоящим именем, — возразил Адам. — Оно из языка твоей расы, а не моей.

— Ну а как иначе? Твоей расы пока нет.

— Это можно очень быстро исправить, — сказал Адам, рассердившись.

— Как пожелаешь. Но я бы повременил. Мы здесь задержались именно для того, чтобы объяснить тебе, как и что делать. Потом, когда ты научишься действовать самостоятельно, вас будет столько, сколько ты пожелаешь.

— Вы собрались уходить? — удивился Адам. — Так скоро? Но почему не сказали мне?

— Тебя здесь еще не было, — ответила Джейн.

— Знаю, но можно было проинформировать задним числом. Я подразумеваю, такое возможно или нет? Ведь есть же такое явление, как обратное действие, верно?

— Не знаю, — сказала Джейн. — Я сожалею о нашем уходе. Первое, что ты увидел, были мы, верно?

— Да, вы. И не успел я узнать вас, как вы уже уходите.

— Думаю, ты полюбил нас, — произнесла Джейн.

— Ну, я привык к вам, — сказал Адам. — Хотя знаю вас всего-то ничего. И даже не представляю, сколько обычно требуется времени для этого.

— Ты тоже нам нравишься, Адам, — сказал Арчи. — Передавать эстафету всегда трудно. Предлагаю приступить к делу.

— Арчи, — укоризненно произнесла Джейн.

— Мы обязаны выполнить миссию, ты сама знаешь.

— Но Адам едва родился!

— И что? Разве нам предписан какой-то срок, в течение которого мы должны кружить вокруг него и

нянчиться? И вообще, как можно нянчиться с кристаллической формой жизни?

— Арчи, не ревнуй! Нельзя ревновать к существу, которое выглядит как комок протоплазмы в оболочке из хрусталя.

— А вот ревность приплетать не надо.

— Почему?

— Ты прекрасно знаешь почему.

Они посмотрели друг на друга. К тому моменту Адам уже достаточно хорошо разобрался в человеческой манере общения, чтобы понять, что они сверлят друг друга взглядами. Это означало, что они говорят друг другу беззвучные слова, которые являются продолжением предшествовавшей ситуации и не предназначены для того, чтобы их слышала третья сторона. С внезапной болью Адам осознал, что он, уникальное и до недавнего времени единственное существо в природе, теперь стал тем, что называется не очень приятно: третья сторона.

Ему стало любопытно, каково это — сверлить кого-нибудь взглядом. Он пообещал себе испробовать это, как только появится хоть кто-то из его рода, на кого можно будет смотреть.

— Я не хочу создавать проблемы, — сказал он. — Но меня интересует одна вещь.

— Какая? — спросил Арчи.

— Почему мы способны общаться, несмотря на различие в происхождении и языке. Или у меня настолько развита интуиция? Или есть какое-то другое правило?

— Нет, ты воспринял слова правильно. Язык — действительно чудесное средство.

— Я думал, чудесно то, что я испытал, когда рождался из ничего, — сказал Адам.

— Конечно! И я этого не отрицаю. Но язык... Он помогает решать проблемы.

— Но мы их решили, — сказал Адам, — причем без труда. Как это возможно?

— Если бы я мог объяснить! — воскликнул Арчи. — Каким-то образом общение между различающимися существами возможно, и Вселенная не против этого.

— Вселенная, — повторил Адам. — Насчет Вселенной у меня вопрос.

— Вопросы позже, — сказал Арчи. — Сейчас нам действительно нужно показать тебе, что тут к чему, да и выметаться.

— Арчи! — воскликнула Джейн. — Это невежливо!

— Ничего личного, — сказал Арчи. — Ты и сама хорошо знаешь, Джейн, что нам пора.

Разговор породил несколько интересных вопросов. Адам собирался задать их, когда совершенно неожиданно произошло то, отчего у него задребезжали пластины, как он выразился бы на более поздней стадии своего развития.

Арчи начал двигаться. За ним начала двигаться Джейн.

Позднее Адам назовет себя наивным, вспоминая свое удивление, которое он испытал в тот момент, когда Арчи и Джейн пришли в движение. До этого он

не подозревал о существовании такого явления, как движение. Ведь он не двигался, когда возник из ничего: каким-то образом он оказался здесь, но не посредством движения. И вот Арчи и Джейн поднялись и продемонстрировали его.

Увидев раз движение, постигнуть его суть было уже гораздо проще. И действительно, все было очевидно. Он видел, как Арчи начал перемещаться прочь от него, а за ним последовала Джейн. Возможно, он притягивал ее, если предположить, что объекты, находящиеся в движении, притягивают объекты, находящиеся в состоянии покоя.

— Идем с нами, — позвал Арчи.

— Я?

— Конечно ты.

— Чего вы от меня хотите?

— Мы хотим, чтобы ты пошел с нами.

— Это предполагает движение?

— Естественно.

— Но я не двигался раньше.

— Адам, мы знаем, что ты способен двигаться, — сказала Джейн.

— Наверное, да. Это не кажется таким уж сложным. Но с какой целью?

— Мы хотим показать тебе кое-что.

— А нельзя принести это сюда?

— Послушай, будет гораздо удобнее, если ты сам пойдешь с нами. Именно так все здесь и делается. Точнее, делалось. И пока мы с Арчи еще тут, будем придерживаться старых правил, если ты не против.

— Это имеет какое-нибудь значение, если я буду против?

— Никакого.

— Хорошо, — сказал Адам. — Это движение... Что нужно делать?

— Используй воображение, — подсказал Арчи.

Арчи и Джейн продолжили движение. Он мог бы сказать, что они были все дальше от него, потому что уменьшались в размерах. Это казалось не вполне разумным. Почему бы вещам не увеличиваться при удалении? Это способствовало бы лучшему обзору сцены. Он хотел было поразмышлять на эту тему, но тут заметил, что Арчи и Джейн почти покинули круг его осознания, как он временно называл область визуального восприятия. Он понял, что ему лучше поторопиться и разрешить проблему движения.

Первая попытка (как он скажет себе позже, когда будет оценивать ее в более спокойной обстановке) была грандиозной и непрактичной. Тонкие ленты, в которые он трансформировал свое тело, были, вне всякого сомнения, красивы, но, даже будучи оснащены рядами крохотных крылышек, они не продемонстрировали приемлемого результата, когда подул встречный ветер (а ведь никто не рассказал ему о ветре!). Время уходило, а время было пока еще неизвестной субстанцией, возможно даже ценной, и он начал раздражаться.

Сердился он оттого, что решение такого простого вопроса ему никак не давалось. Терзаемый недовольством, он в шутку свернул себя шаром и

бросил. Его удивило, насколько легко и результативно он переместился. И научился он этому сам.

— Эй, подождите! — крикнул Адам.

Он начал двигаться и тут же сделал другое открытие. Понял, что значит «идти куда-то».

Арчи и Джейн привели его на плоскую вершину высокой горы. Он глянул вниз. Во все стороны расстилались бесконечные земли. Непосредственно перед ним внизу лежало обширное плоскогорье, поросшее сочной золотистой травой, а вдалеке проступали голубые горы.

— Это естественного происхождения или создано кем-то? — спросил Адам.

— Немного того, немного другого, — ответил Арчи.

— Зачем вы мне это показываете?

— Так удобнее всего познакомить тебя с нашей планетой.

— Я признателен.

— Это самое меньшее, что мы могли сделать, — сказал Арчи. — Ты можешь изменить сектор обзора, повернув голову.

— Красиво, — произнес Адам. — Как вы называете то, что лежит перед нами?

— Это один из уголков Африки, — сказала Джейн.

— Она красивая, — проговорил Адамс. — Но там совсем тихо.

— Потому что там никого нет.

— Нет других людей?

— Ни одного человека.

— А птицы, белки, насекомые — если позволите

мне задать вопрос, который я на самом деле не смогу сформулировать, пока не разовьюсь в достаточной мере?

— Их тоже нет.

Адам повернул голову направо. Картина Африки поблекла. Вместо нее возник пейзаж, состоящий из высоких зданий, деревьев, парков и мостов.

— Мы еще в Африке? — спросил Адам.

— Нет, на другом континенте. Это Европа. Судя по всему, Париж.

— Но там никого нет?

— Конечно нет. Передавая планету, мы освободили ее.

— Понятно. — Адам снова повернул голову. — Где мы теперь?

— В Южной Америке.

— А что это за пятна на земле?

— Помет гуано.

— И где все эти наследившие пометом гуано?

— Ушли, все ушли.

Адам, хоть и не зная процедуры передачи планеты от одной расы к другой, увидел, что дальнейший тур по Земле не добавит ничего нового. Он не знал, как относиться к тому, что он уже увидел, но решил, что поверхностного осмотра хватит за глаза. Поэтому он быстро повернул голову и ограничился беглым осмотром Китая, России, Англии, каких-то маленьких островов и бескрайних водных просторов.

— Что ж, — наконец сказал Адам, — и правда хорошо, что вы показали мне планету. Она весьма

милая, и ее довольно много. Вы на самом деле отдаете ее мне?

— Да. Она твоя.

— Не знаю, что и сказать.

— И не надо, — сказал Арчи. — На этом и закончим.

— Вы уверены, что никого не осталось?

— Все ушли. Место свободно, заполняй его себе подобными.

— Может быть, оставите немного птиц, насекомых, бактерий, чего-нибудь еще?

— Так не делается. Начинать следует с чистого листа.

— Что ж, еще раз спасибо.

— Пожалуйста, — сказал Арчи. — Не стесняйся, переделывай все тут, как тебе удобно.

— Так я и поступлю, — пообещал Адам. — Я уже вижу переизбыток растительности и недостаток блестящих кристаллов. Есть что-то очаровательное в блестящих кристаллах, вам не кажется?

— Каждому свое, — улыбнулась Джейн.

— Преврати тут все в каменную соль, — посоветовал Арчи. — Нам уже все равно. Счастливо оставаться, Адам. Пойдем, Джейн.

— Подождите, не уходите!

— Я же говорил тебе, — сказал Арчи, — нам пора выметаться.

— Вы идете, чтобы соединиться с остальными?

— Что-то вроде этого.

— Но куда вы идете? Где находятся остальные?

— Объяснить это непросто, — сказал Арчи.

— Как же мне тогда с вами связываться?

— Для какой цели?

— Арчи, как ты не понимаешь? — удивилась Джейн. — Адам хочет сообщать нам, как у него все продвигается. Верно, Адам?

— Ну, если только вам интересно.

— Разумеется, интересно, — произнесла Джейн.

— А мне — нет, — сказал Арчи.

— Вы идете на другую планету?

— Не совсем так.

— Но куда-то очень-очень далеко?

— Ну да, пожалуй.

— Это в нашей Вселенной? Или в какой-то другой?

— Адам, я не объясню. Честно говоря, мы и сами точно не знаем, куда идем и где остальные. Просто мы чувствуем, что уже пора.

— Тяжело уходить? — спросил Адам.

— Тяжело, легко, какая разница? — сказал Арчи. — Нам пора. А тебе удачи, малыш. Идем, Джейн.

— Прощай, Адам, — сказала Джейн.

Они помахали руками и исчезли. То есть их просто не стало. словно пропали из поля зрения. Это произошло даже быстрее, чем моргнуть глазом, потому что моргание Адам пока не изобрел.

Он еще долго смотрел на то место, где стояли Арчи и Джейн. Сейчас их там не было, но они все же там были. В этом он был уверен, хоть и не абсолютно, поскольку это могло быть плодом его воображения. Если допустить, конечно, существование воображения

и его способность создавать иллюзии. Но что еще может создавать воображение?

Внезапно он почувствовал ужасное одиночество.

В чувстве одиночества для него не было ничего необычного. Но до этого, когда он пребывал в небытии, он не чувствовал себя одиноким. А если и чувствовал, то не настолько остро.

Что ж, пора приступать к работе, создавать новую расу. Место он уже выбрал. Африка подходила идеально. Он решил: пять полов будет в самый раз, хотя нужно понаблюдать, что из этого выйдет. Также он запланировал множество других существ. Некоторые получатся гадкими. Просто так, из прихоти. Да. Он все решил. Некоторые будут обитать в океане, некоторые на суше. А еще в воздухе! Он едва не забыл про воздух!

Планы множились и ширились в голове. Первым делом нужно создать себе подобных. Он подозревал: чтобы создавать других, ему придется стать «ею». Он не знал, понравится ли ему это, но, черт побери, некоторые жертвы просто неизбежны, если начинаешь новый вид.

Он еще раз посмотрел на то место, где стояли Арчи и Джейн. Что они сделали? Каким образом исчезли?

Хорошо, с этим Адам разберется позже. А сейчас он почувствовал, как что-то скользнуло по его поверхности. Ветер! Радостный весенний ветерок! Пора превращаться в женщину и создавать себе пару, так чтобы они могли создавать других.

Только вот люди... куда же они ушли?